У Бога всегда есть работа для тебя. 50 уроков, которые помогут тебе открыть свой уникальный талант

Автор:
Регина Бретт

У Бога всегда есть работа для тебя. 50 уроков, которые помогут тебе открыть свой уникальный талант

Регина Бретт

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

Эта книга поможет вам найти идеальную работу – вне зависимости от уровня безработицы, состояния экономики, степени ума и таланта всех остальных. 50 мудрых уроков-историй Регины Бретт вдохновят вас на то, чтобы взглянуть на свою работу и жизнь по-новому. Задать себе вопрос: «Так ли я живу, на что трачу свою жизнь?» и услышать ответ своего сердца.

Регина Бретт

У Бога всегда есть работа для тебя. 50 уроков, которые помогут тебе открыть свой уникальный талант

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Брюсу – моему мужу, моему болельщику, моему вечному возлюбленному

Вступление

Впоследние пять лет я выступала перед тысячами людей на бесчисленных мероприятиях и автограф-сессиях. Вопрос, который мне задавали чаще всего: «О чем будет ваша следующая книга?»

Когда я отвечала, что хочу написать книгу, которая помогла бы людям находить больше смысла и воодушевления в работе и жизни, мои слушатели оживлялись и говорили, что хотят прочесть такую книгу прямо сейчас.

Итак, вот она.

«У Бога всегда есть работа для тебя» – это сборник вдохновляющих эссе, историй и статей, содержащих уроки, цель которых – помочь людям увидеть свою работу и жизнь в новом свете.

Она предназначена для тех, кто разлюбил свою работу.

Она предназначена для тех, кто любит свою работу, но хочет найти больше смысла в других сферах своей жизни.

Она предназначена для людей безработных, делающих то, что не соответствует их квалификации, или оказавшихся не на своем месте.

Она предназначена для того, кто пережил крушение своих планов, временно или навсегда.

Она предназначена для тех, кто делает первые шаги в мире трудоустройства и хочет знать, что ему написать на этом чистом листе.

Она предназначена для людей, которые вышли на пенсию или больше не могут работать, но хотят жить более осмысленной жизнью.

Она предназначена для людей, которые влюблены в свою работу так сильно, что им хочется вдохновлять других на поиски уникального призвания в этой жизни.

Она предназначена для людей вроде меня, которые когда-то чувствовали себя потерянными в жизни и бесцельно брели по разбитой дороге. И эта дорога в конце концов привела их именно в то место, которое идеально им подходит. Я верю, что такое идеальное место приготовлено для каждого из нас. Наша задача – найти его. Или расслабиться и позволить ему самому найти нас.

Я написала эту книгу, чтобы помочь вам обрести дело, которое вы полюбите, и строить жизнь, которая вам нравится, на фундаменте своей работы. Вне зависимости от того, кто ваш начальник, каков ваш доход, что творится в экономике, – вы способны развивать, обогащать и углублять собственную жизнь и жизнь других людей.

Эти уроки – итог моего 18-летнего жизненного опыта в роли матери-одиночки и женщины, перенесшей рак груди. Это вывод из жизненных историй других людей, которых я встречала за 29 лет журналистской деятельности и в других ситуациях. Я надеюсь, что каждый из этих уроков поможет вам с утра вскакивать с постели в радостном предвкушении, испытывать прилив сил в обеденный перерыв, спокойно чувствовать себя по вечерам. Но может быть, они просто придадут вашему миру ускорение или добавят ему ярких красок, чтобы вы смогли сделать осмысленными свою работу и жизнь.

Урок 1

Когда не получаешь желаемого, получаешь нечто лучшее – опыт

Большинство резюме не рассказывают о той разбитой дороге, по которой ведет тебя жизнь, и о тех именах, которыми люди называют тебя в пути. Мы украшаем свои резюме, переименовываем свои должности, умалчиваем о том, что хотели бы вычеркнуть из своего послужного списка.

В молодости я меняла свое резюме каждые полгода. Примерно столько времени мне удавалось продержаться на большинстве рабочих мест. Шесть месяцев. Я была вечно начинающим работником. Дальше начинаний дело не шло.

Песня «Возьми эту работу и засунь ее…» была саундтреком к моей жизни. Родственные чувства вызывала у меня и другая песня в стиле кантри – «А где-то сейчас пять часов», в которой рассказывается, как начальник заставляет тебя работать после смены и тебе хочется от души выругаться на него, но лучше потерпеть. Однажды я терпеть не стала. Я пулей вылетела из ресторана, и на этом моя работа официантки закончилась. Я даже не задержалась, чтобы выгрести чаевые из банки.

Некоторые люди взбираются по лестнице успеха. Я бродила под ней туда-сюда. Многие годы мне не улыбалась удача, а если и улыбалась, то как-то криво. Моя первая начальница была настоящей сучкой. Серьезно! Это была пуделиха по кличке Мамзель, которая жила по соседству. Моя первая оплачиваемая работа состояла в том, чтобы выгуливать соседскую собаку. У Мамзель были когти, выкрашенные ярко-красным лаком, и бантик. Я долго выгуливала этот пушистый белый шарик, она наконец сделала свои дела, и я отвела ее домой. Владелица подхватила пуделиху на руки и задрала ее куцый хвостик.

– Как?!. Ты не… ты не подтерла ей попку?! – ахнула она.

Готова поклясться, что Мамзель одарила меня злобной ухмылкой. На этой работе я надолго не задержалась. Я-то думала, что меня наняли выгуливать собаку, а не подтирать ей задницу.

Потом была должность личного помощника в только что открывшемся ресторане с вечерней шоу-программой. Начальник загонял меня до изнеможения уборкой костюмерных и туалетов. Я училась в старших классах и приходила домой не раньше полуночи. С этой работы меня «уволили» родители. Затем я пошла на повышение и стала кассиршей в аптеке Кларка, где большую часть времени стирала пыль с коробочек с витаминами, стараясь казаться ужасно занятой и не попасться на краже конфет. Следующей была должность официантки в семейном ресторане Виденеров, где посетители оставляли мне грошовые чаевые в лужицах кетчупа.

Оттуда я переместилась в местную больницу, где носила розовую униформу и сеточку для волос. Я часами простаивала в белых тапочках, выставляя пюре из чернослива на подносы, которые ехали мимо меня по длинной ленте конвейера. Бейджик на моей униформе именовал меня чудесным титулом «помощница по кухне». В своем резюме я потом обозвала эту должность «ассистентом диетолога». Сеточка для волос и бейджик остались у меня, вклеенные в альбом, чтобы напоминать о тех днях, когда я с шести утра до трех дня отмывала подносы и тарелки, заляпанные рвотой и кровью пациентов. Кажется, мы тогда даже не носили гигиенических перчаток.

Некоторое время я работала секретаршей. Это была докомпьютерная эпоха. Тогда считалось, что тебе повезло, если ты получила электрическую печатную машинку с корректирующей лентой. Руки у меня были вечно в чернильных пятнах от копировальной бумаги. Я была «виртуозом исправлений». Удивляюсь, как это мой босс ни разу не застал меня лежащей на клавиатуре вне себя от ярости. Я ненавидела эту работу. Однажды мне потребовалось целое утро, чтобы напечатать трехстраничное письмо – только для того, чтобы босс вручил мне его обратно, обведя огромными красными кругами ошибки, которые прекрасно можно было замазать штрихом. Мне пришлось перепечатать его целиком.

Рабочее место предназначено для того, чтобы зарабатывать на жизнь. Карьера – для того, чтобы жить.

Я сменила немало рабочих мест, пока сообразила, что мне нужно нечто большее. Рабочее место – это место, где ты работаешь, чтобы оплачивать счета. Рабочее место – это место, где тебя наказывают за пятиминутное опоздание, даже если ты задержалась, чтобы помочь заблудившемуся автомобилисту. Рабочее место – это место, куда ты звонишь и сказываешься больной, чтобы выгадать немного времени на поиски работы получше. Да, оно порой дает тебе стабильность и защищенность, но как же это скучно! Ты делаешь то, что положено, а потом идешь домой. Ты притворяешься больной каждый раз, когда можешь получить оплачиваемый больничный, потому что тебя тошнит от этого места.

Рабочее место предназначено для того, чтобы зарабатывать на жизнь. Карьера – для того, чтобы жить. Рабочее место – это зарплатный чек. Карьера – зарплатный чек на большую сумму. Карьера требует образования, подготовки

и умения рисковать. Поэтому я решила сделать карьеру. Я шесть раз меняла колледжи: вначале биология, затем ботаника, потом последовали рациональное природопользование, английский, связи с общественностью и журналистика. Кентский государственный университет сжалился надо мной, применив политику «академического прощения» к моему среднему баллу, после того как я завалила химию и получила самую плохую оценку по зоологии и детской психологии. Мне потребовалось двенадцать лет, чтобы получить диплом бакалавра, поскольку я делала перерывы в учебе, чтобы работать и воспитывать ребенка. Я поступила в колледж в 1974 году, а окончила его только в 1986-м, когда мне было тридцать лет. А потом пришло время забрать этот журналистский диплом – и искать свою миссию в жизни.

Когда-то я думала, что своя миссия в жизни бывает только у таких людей, как мать Тереза и Махатма Ганди. На самом деле она есть у всех. Как же ее найти? Надо прислушиваться к своей жизни.

А как же все эти бессмысленные, тупиковые работы? Таких не бывает. В Божьем мироздании ничто не пропадает даром. Со временем все точки соединяются линиями. В детстве я обожала раскраски с рисунками, где надо было соединять линиями точки. У каждой точки был свой номер, чтобы было легче нарисовать итоговую картинку. В реальной жизни точки не пронумерованы.

Бог пишет прямо, но кривыми линиями.

Мой зигзагообразный маршрут долго выглядел как разбитая дорога, пока в один прекрасный день все эти точки не соединились. Как сказала мне одна подруга, Бог пишет прямо, но кривыми линиями. Мне нравится текст одной песни рок-группы Rascal Flatts, в котором говорится: «Бог благословил разбитые дороги, которые привели меня прямо к тебе». Бог действительно благословил мою разбитую дорогу. Я на ней не заблудилась. Бог всегда знал, где именно я нахожусь.

Все те работы, которые я когда-то называла бессмысленными и бесцельными, безмерно обогащали меня. Просто в то время я не могла этого понять. Жалкий двухсотдолларовый недельный зарплатный чек ослеплял меня, не давая увидеть богатство получаемого опыта.

Работа, которую некоторые люди называют «черной», придавала смысл моей жизни. Работа официанткой научила меня состраданию, познакомив со слепым мужчиной, который приходил к нам по средам есть печенку с луком и разгонял людей с дороги белой тросточкой, выкрикивая свой заказ.

Работа в похоронном бюро научила меня утешать скорбящих. Многие годы спустя, уже став репортером, я смогла проявить достаточно сострадания и деликатности, когда брала интервью у отца, чьего сына застрелили в упор, когда он ехал домой на велосипеде. Работа в качестве санитарки «Скорой помощи», в том месте, где жизнь встречается со смертью, поведала мне о «последнем сроке» больше, чем любой редактор в отделе новостей.

Каждая должность секретарши учила меня печатать лучше и быстрее. Работа в качестве консультанта алкоголиков научила меня понимать, когда люди мне лгут – как тот клиент, который отбыл срок за убийство человека в состоянии алкогольного опьянения, но не считал, что у него есть проблема с алкоголем.

Работа клерком в транспортном суде, где я выписывала информацию о штрафах, помогла мне узнать, где искать судебные архивы. Это помогло мне при расследовании дела о том, как человек с 32 штрафами за нарушения Правил дорожного движения получал обратно водительские права, пока не сбил насмерть двух студентов.

Моя работа секретарем юриста, на которой я печатала длинные юридические документы, помогла мне понять судебную систему. Позже моя статья о невинном человеке, приговоренном к смертной казни, привела к изменению законодательства в штате Огайо. Прокуроры больше не могли скрывать важные улики, а человек после двадцати лет в тюрьме вышел на свободу.

Когда жизнь пускает корни, рост не всегда заметен сразу.

Есть такое меткое наблюдение: «Жизнь – это то, что случается, когда у тебя совсем другие планы». То же самое можно сказать и о резюме. Оно начинает жить своей жизнью, если ему позволить. Некоторые люди стараются вычерчивать свои пути на карте и планировать каждый шаг, но в реальности жизнь дарит нам нечто лучшее. Тупик на самом деле оказывается боковой

тропой к новому маршруту, который тебе и в голову не пришло бы выбрать. Каждый опыт обогащает жизнь, сейчас или позже. Хоть я не подозревала об этом, но каждая работа, с которой я просто мирилась, готовила меня к той работе, что нынче греет мою душу.

Когда жизнь пускает корни, рост не всегда заметен сразу. Если ты из тех людей, кто чувствует себя заблудившимся в жизни, наберись терпения и мужества. Заблудившись, ты можешь прийти к тому самому месту, куда жизнь так или иначе собиралась тебя привести.

Урок 2

Все меняется, когда меняешься ты

Это ключ от будущего или сделка с дьяволом. Я не была уверена, какой из двух вариантов верен, и не понимала, что делать с документами, которые держала в руках.

В 22 года я сидела на шее у родителей. У меня не было ни работы, ни каких-либо перспектив. Будучи незамужней матерью, я не могла содержать себя и своего новорожденного ребенка. Бесплатно жить у родителей до скончания века было неправильно. К тому же мне казалось, что я ношу на спине клеймо – невидимую букву У. «У» означало «ужасная». Ужасная дочь. Ужасная сестра. Ужасная мать.

О том, чтобы получить помощь от отца моей дочери, и речи не было. Я вычеркнула его из своей жизни еще до того, как она родилась. Я отказалась выйти за него замуж, так что теперь не могла к нему обратиться. А вдруг он ее заберет? Вдруг он скажет в суде, что может обеспечить ей более благополучную жизнь, чем я?

Забеременев, я вылетела из колледжа. На пятом месяце беременности ушла с работы – тогда я работала санитаркой «Скорой помощи». В те времена услуги «Скорой помощи» оказывали местные похоронные бюро. Помимо спасения жизней я должна была выезжать в больницы, дома престарелых и просто к людям, у которых кто-то умер. Забирать мертвые тела – работа не гламурная,

но она позволяла мне оплачивать счета, и, как мы тогда шутили, наши клиенты никогда не жаловались. Но, забеременев, я не могла себе позволить потянуть спину или навредить ребенку, таская на себе тела, весившие больше трехсот фунтов. Похоронное бюро отказывалось держать больше двух дежурных санитаров в смену, поэтому мне пришлось уйти.

Я не знала, где искать следующую работу. Как я смогу оставить на весь день дочку? Ведь у нее был только один родитель – я. Если я буду весь день пропадать на работе, это все равно что родителей нет вообще. О фабрике и говорить нечего. Там нет никакого гибкого распорядка. Работа с 7 утра до 3 дня означала, что малышка будет просыпаться каждое утро без меня и проводить день с кем-то другим. Смена с 3 дня до 11 вечера означала, что я никогда не буду укладывать ее спать. Смена с 11 вечера до 7 утра означала, что мне не придется спать дома.

Я подавала заявления о приеме на работу, но навыков у меня было маловато. Я тогда не умела даже печатать. Купить машину было невозможно, поэтому я брала ее у отца. Когда ты мать-одиночка, трудно предаваться мечтам. Нужно, чтобы к мечтам прилагались деньги. Если не считать рождения ребенка, моя жизнь представляла собой полное банкротство. Вот почему в моих руках очутились эти документы.

Изначально эта бумага называлась «ходатайством об оказании помощи зависимым детям». Но в нашем маленьком городке мы называли ее тем, чем она и была по сути – заявлением на пособие по безработице. Я металась, не зная, что мне делать с этим 32-страничным документом. Сидеть на пособии казалось намного проще, чем искать работу и няню, услуги которой не будут отнимать всю мою зарплату до последнего доллара. Сидя на пособии, я также получала бы медицинскую помощь для себя и своей дочери. Это казалось мне ответственным поступком.

Но всякий раз, когда я пыталась поставить свою подпись на этих документах, я была не в силах это сделать. Мне пришлось бы официально внести в документы имя отца моей дочери, чтобы они могли обратиться к нему за алиментами. Я не вписала его даже в ее свидетельство о рождении. В конечном счете истинной причиной того, что я так и не подписала эту анкету, стал страх: я боялась, что если однажды «подсяду» на пособие, то больше никогда с него не «слезу». Пособие – преимущество сомнительное. Оно начинается как спасительный канат, а кончиться может веревкой,

связывающей по рукам и ногам. Если ты попытаешься заработать немного дополнительных денег, то рискуешь лишиться всех преимуществ и медицинского обслуживания.

В маленьком городке трудно найти работу, если у тебя нет машины. Там нет ни автобусов, ни метро. Никакого общественного транспорта, только личный. Ты ограничен расстоянием, которое способны преодолеть твои ноги на работу и с работы. До похоронного бюро, расположенного в миле от нашего дома, можно было дойти пешком. Я не хотела возвращаться к транспортировке мертвых тел, но мне предложили работу в офисе, и я согласилась.

Там я влюбилась. Не в работу, в начальника. Не лучший вариант, но отчаяние проделывает с людьми и более странные штуки. Оно способно замаскировать запойного алкоголика в прекрасного принца. Я влюбилась во все, что у него было: в успех, деньги и счастье. У него был роскошный дом. На работу он ходил в дорогих костюмах. Ужинал в ресторанах. Ну подумаешь, немного пил. Ладно, много пил. Беспамятство, пьяное вождение, пьяные загулы.

В те месяцы, что мы встречались, я поставила себе задачу спасти его. Если бы мне это удалось, мы бы жили долго и счастливо, как в сказке. Я заставила бы его желать меня так сильно, чтобы ему было не до выпивки. Мы проводили долгие часы в серьезных разговорах, которые он потом не помнил. Мы договаривались встретиться в восемь вечера, и он звонил в десять из бара, сообщая, что сейчас приедет. В два часа ночи, когда бары закрывались, он наконец являлся, еле держась на ногах, и тут же отключался на диване.

Наконец мои друзья, которые знали об Обществе анонимных алкоголиков, сказали мне, что я должна «уйти в сторону». Перестать считать, сколько он выпил, перестать рассчитывать на то, что он изменится. У меня с ним не было будущего, но я не видела будущего и без него. Я обожала его дом. Там была уютная столовая для завтраков, большая веранда и спальни для всех воображаемых детишек, которых, как я фантазировала, мы когда-нибудь заведем. Однако прежде чем я сумела уйти из этой сказки, он ушел от меня.

К тому времени моя дочка уже начала ходить. Она взрослела, в отличие от своей матери. Наконец мне удалось скопить достаточно денег, чтобы съехать от родителей и переместиться в квартирку в двух кварталах от них. Мне было страшно полагаться на свою скудную зарплату, при том что 210 долларов из нее съедали аренда и оплата счетов. К тому же я впервые оказалась предоставлена

сама себе. Я никогда не уезжала в колледж, никогда не жила в общежитии, мне не приходилось самостоятельно справляться со своей жизнью.

Пособие – преимущество сомнительное. Оно начинается как спасительный канат, а кончиться может веревкой, связывающей по рукам и ногам.

Все фрагменты моей жизни, разлетевшиеся в стороны, когда я забеременела, стали возвращаться на место. Каждые полгода я переходила на работу с большей зарплатой. Я завела новых подруг. Среди них оказалась женщина, которая возила меня в религиозный приют, чтобы помочь вновь поставить мою жизнь на рельсы. Тамошний священник посоветовал мне изменить шаблон отношений с мужчинами. Этому совету я так и не последовала. Прошло две недели – и я снова влюбилась.

Дэвид был высок – выше 180 см, ездил на «Мазде» RX-7, носил дизайнерскую одежду и не пил. По своему эмоциональному развитию он был сущим подростком, но я сама была такой же. Однажды он объявился у моих дверей на новехоньком «Корвете», и я гоняла на нем по шоссе со скоростью 130 миль в час. Мы могли внезапно сорваться из города на уик-энд, а с дочкой в это время сидела моя мама.

Дэвид присылал мне цветы, покупал одежду и брал с собой в отпуск. У него было достаточно денег, чтобы ими швыряться. Когда он делал это ради меня, это было прекрасно, но когда он тратил их на что-то другое, я сердилась. Я не знала, что это были не его деньги, а его родителей. После одного нашего отпуска кредитная компания послала своего служащего к нему домой, чтобы изъять кредитные карты.

Дэвид учился в колледже бесплатно, на правительственную стипендию. Он пропускал занятия, чтобы играть в покер и гонять на мотоцикле. Я вкалывала то на одной, то на другой работе, которая отбирала много времени, но плохо оплачивалась. Он ездил на роскошной машине, а я водила подержанный ярко-оранжевый «Форд Фиесту», который купила за 2300 долларов, и эту сумму мне приходилось копить по доллару. Моя машина не разваливалась только благодаря клейкой ленте и резиновому уплотнителю, которым мой отец заделал стекла.

Мое будущее? Моим будущим был Дэвид. Я хотела окончить учебу, приобрести дом, завести семью. Брак с ним сделал бы все это возможным. Когда мы объявили о помолвке, он подарил мне бриллиант, огромный, как моя фантазия. Я получила все.

И всего лишилась два месяца спустя. Пока я бегала по салонам, примеряя свадебные платья, он спал с другими женщинами. Единственное, что могло быть хуже, чем узнать об его изменах, – это узнать, что любовниц у него как кеглей в кегельбане. Он довольно долго странно себя вел, поэтому я спросила напрямую, наполовину в шутку: «Слушай, а ты мне, случайно, не изменяешь?» Когда он не ответил, я взорвалась и вылетела из комнаты. А потом решила: нет, я не собираюсь ехать домой и рыдать там в полном одиночестве. Я вернулась, наорала на него, даже схватила за грудки и разорвала на нем дизайнерскую рубашку. Я была недовольна им, но, что еще хуже, я была недовольна тем человеком, которым стала сама.

Мне не нужно было искать правильного человека. Я сама должна была стать правильным человеком.

Все было кончено. Я вернула ему кольцо и сказала, что он сможет снова подарить его мне, когда ему буду нужна только я одна. Я так и не получила это кольцо обратно. Я получила нечто лучшее.

Я получила гнев. Гнев на него. Гнев на себя. Гнев достаточный, чтобы заставить меня действовать самостоятельно.

Мне было 26 лет. Пора было становиться взрослой. Расставшись с ним, я рассталась с человеком, которым больше не хотела быть. Пора было взять на себя ответственность за себя и свою жизнь.

Без Дэвида мое будущее было пустой страницей. От меня зависело, смогу ли я что-то на ней написать. Пора было сделать свою жизнь действительно своей. Прежде всего я вернула ему все, что он оставил в моем доме, – включая стопку журналов «Плейбой», которые он прятал в моем шкафчике. Я сменила купленные Дэвидом сексуальную мини-юбочку и облегающее черное платьице на строгие юбки и блузки, которые я могла бы носить на работу, делая карьеру.

Затем достала каталог колледжей и открыла его. Я понятия не имела, кем хочу быть и чем заниматься; я знала только одно: я хочу быть счастливой.

И тогда мир передо мной раскрылся. Все в моей жизни изменилось, когда я решила изменить себя. Мне не нужно было искать правильного человека. Я сама должна была стать правильным человеком.

Урок 3

Зарыв свои таланты в землю, не заставишь их вырасти

Однажды в старших классах мы проходили тест на способности, чтобы узнать, кем нам суждено быть в жизни, и потом хохотали над результатами.
Мне полагалось стать специалистом по дыхательной терапии. Моя подруга Бетси родилась, чтобы стать водителем грузовика.

Бетси в конечном счете стала медсестрой. Я – писателем.

Кто мог об этом знать?

Где-то в глубине души мы это знали.

Где-то в глубине души все мы это знаем.

Мы просто прекрасно умеем зарывать в землю наши самые сокровенные стремления.

Я делала что угодно, лишь бы не пользоваться своими талантами. Я зарывала их как можно глубже и давала отпор каждому, кто приближался ко мне с лопатой.
В девятом классе мой учитель английского, мистер Рикко, заставлял нас писать по параграфу в неделю. Я упиралась, как могла. Свои параграфы я писала прямо перед занятиями и выбирала самые скучные сюжеты, чтобы взять мистера Рикко измором. Вместо этого он взял измором меня и отшлифовал мой стиль, превратив в писателя против моей воли.

Но я все равно сопротивлялась. Я никогда не писала заметок для школьной газеты или альманаха, не ходила на семинары по сочинению. Меня слишком пугало то единственное, чем я отчаянно хотела заниматься, – писательское ремесло. Многие из нас знают в глубине души, что мы рождены для какого-то дела и с удовольствием бы его делали. Но нам слишком страшно по-настоящему за него взяться, потому что мы можем потерпеть неудачу, – и мы прячем свое дело внутри, где оно будет в безопасности, нетронутое и неприкосновенное. Мечтать о нем и желать его кажется намного безопаснее, чем сделать шаг и рискнуть неудачей и отвержением.

Я писала втайне от всех, заполняя словами дневники и журналы. Однажды, то ли из храбрости, то ли по наивности, я позволила прочесть их своим сестрам. Потом, осознав, что наделала, я собрала все свои дневники, бросила их в металлическую мусорную бочку на заднем дворе и сожгла. Когда языки пламени пожирали мои слова, казалось, что они гасят огонь в моей душе.

Но угольки все еще тлели. В десятом классе, когда я прочла книгу Генри Дэвида Торо, что-то начало расти в моей душе. Было ощущение, что теперь я могу вдохнуть больше воздуха. У меня не было денег, чтобы купить собственный экземпляр «Уолдена», поэтому я переписала текст из школьной книги слово в слово, начиная с описания причины, по которой он ушел в леса.

Я едва не стала зарабатывать себе на жизнь, живя в лесу, – опять же, только чтобы не писать. Все мы слышали эту поговорку: «Человек предполагает, а Бог располагает». Если бы боги благословили мои планы, я стала бы егерем. Мне слишком страшно было становиться писателем, поэтому я, убегая от писательского труда, выбрала в колледже специализацию по охране природы. Какая ирония! – в итоге я стала журналисткой, заполняющей страницы газет и книг словами. И я молюсь о том, чтобы егеря сохранили достаточно деревьев на мой профессиональный век.

Я любила газеты еще с тех пор, как была малышкой и сидела на полу рядом с подбитыми металлическими набойками отцовскими сапогами, пока он поглощал ежедневные новости. Я делала вид, что читаю те газетные листы, которые он ронял на пол, и пыталась понять, что же в них так притягивало отца после долгого дня, проведенного за латанием битумной крыши. Когда у моей матери выдавалась минутка, чтобы почитать – а это было крайней редкостью для женщины, воспитывавшей одиннадцать детей, – она читала материалы газетного колумниста Ирмы Бомбек. Благодаря Ирме писательский труд казался

таким легким делом! Таким он и был – в моем дневнике. Там и оставался, в неприкосновенности и безопасности, долгие годы.

Я зарывала свои таланты из страха, что они никогда не будут достаточно хороши. Я игнорировала призвание применять свои таланты. Я все время твердила Богу, что я не готова, пока в один прекрасный день до меня не дошло: а что, если Бог перестанет просить? Что может быть страшнее того, что Бог призывает тебя воспользоваться своими талантами? Только мысль о том, что Бог перестанет к тебе взывать и пойдет к кому-нибудь другому.

Библейская притча о талантах преследовала меня. Богач вручил одному из своих рабов пять талантов, другому два, а третьему один талант. Время шло, первый раб завел на свои пять талантов торговое дело и заработал еще пять талантов. Тот, у которого было два таланта, тоже их удвоил. А тот, у которого был один талант, выкопал в земле яму и спрятал там деньги – из страха, как бы чего не вышло. Когда хозяин вернулся, он вознаградил первых двух рабов. А раб, который зарыл свой талант, вернул его неиспользованным. Хозяин рассердился, взял талант и выгнал раба. А остальным двум сказал: «Всякому имеющему дастся и приумножится; в малом ты был уверен, над многим тебя поставлю» (Евангелие от Матфея, глава 25).

Когда верно поступаешь с тем, что было тебе дано, получаешь больше. Ты не получишь больше талантов, пока не воспользуешься теми, что уже были тебе даны.

Все мы одарены, но некоторые из нас так и не открывают свои кошельки. У каждого из нас есть призвание, предназначение, особенный уникальный талант. Твое призвание не обязательно соответствует названию твоей должности. Оно может быть не обозначено ни на визитной карточке, которую ты носишь с собой, ни в описании твоих должностных обязанностей, ни в твоем резюме. Зато оно записано в твоем сердце. Я перепробовала множество работ, прежде чем нашла то место в жизни, которое писатель Фредерик Бюхнер называет «местом, где встречается твое глубокое удовлетворение и глубокий голод мира».

Что Бог хочет, чтобы ты сделал с дарами, которые он тебе вручил? Чтобы ты их использовал, а не оставлял про запас. Когда израильтяне голодали на своем пути к Земле обетованной, Бог ронял для них манну с небес. О, бесплатная еда! Из страха перед голодом люди собрали манну и оставили ее про запас

на следующий день. И манна заплесневела. Бог хотел, чтобы люди верили, что каждый день им будет довольно Его милостей. Никакого скопидомства! Ты должен использовать все, чему учился, все неоткрытое и открытое, иначе больше ничего не получишь. Мои писательские труды должны были получить новую жизнь – за пределами моей спальни. Но кто захочет их читать? Кто будет их публиковать? Кто станет их покупать? Все это – не мое дело. Пора было предпринимать конкретные шаги. Может быть, в молитвах я и говорила Богу «да», но слово «да» без действия остается только словом.

Кем ты призван быть, что призван делать? Ответ – в тебе самом. Вместо того чтобы проводить опрос родственников и друзей по поводу того, чем тебе следует заниматься, окинь взглядом свой внутренний ландшафт, чтобы отыскать духовную интерпретацию своей жизни. Бог уже нашептал ее тебе. Большинство из нас ведут слишком занятую и шумную жизнь, чтобы прислушаться.

Многие из нас не имеют понятия о своем предназначении не потому, что мы его не знаем, а потому, что мы боимся знать – ведь тогда нам придется браться за дело. Как-то раз я была на вечеринке и услышала, как одна женщина жаловалась небольшой компании, столпившейся вокруг нее, что у нее масса вариантов карьеры и она просто не может сделать выбор. Стоило кому-то дать ей полезный совет, как она сразу же отвергала его и повторяла: «Я не знаю, что мне делать». На нее изливались целые потоки внимания и сочувствия – именно из-за того, что она не знала, из-за ее беспомощности.

Я ощутила тот самый пресловутый духовный толчок, взглянула ей в глаза и вежливо спросила:

– А хотите ли вы это знать?

Кажется, она перепугалась. Все умолкли. Потом она оттаяла.

– Хочу, – ответила она и стала рассказывать всем, какое дело она на самом деле любит, но боится им заняться.

Ты не получишь больше талантов, пока не воспользуешься теми, что уже были тебе даны.

Однажды кто-то рассказал мне замечательную притчу: до того как прийти в этот мир, каждый из нас обладает всей мудростью, которая нам может понадобиться в этой жизни и после нее. Но прямо перед рождением прилетает ангел, касается наших губ и запечатывает их, заставляя нас забыть все, что мы знали. И всю свою жизнь мы проводим, разыскивая утерянные знания.

Иногда я прикасаюсь пальцем к верхней губе, прямо к маленькой ложбинке на ней, и прислушиваюсь.

Попробуй сделать так же. Это напомнит тебе, что надо перестать говорить и начать прислушиваться к той мудрости, которой ты уже обладаешь.

Урок 4

Как тебя называть – решать людям. Как на это реагировать – решать тебе

Люди делают это постоянно. Спроси кого-нибудь: «Кто вы по профессии?» – и они тут же воспользуются этим мерзким словом «просто».

«Я просто уборщица».

«Я просто санитар».

«Я просто водитель автобуса».

«Я просто секретарша».

Просто?!

Обожаю знакомиться с людьми, которые только и ждут возможности рассказать собеседнику, чем они зарабатывают на жизнь. Они создают для себя собственные названия своих профессий и радуются тому, кто они есть. Женщина красит чужие ногти и называет себя маникюрным технологом. Парень чинит

рояли, а на карточке у него написано «директор по фортепианным технологиям». Мужчина в парке развлечений ремонтирует карусели и считает себя «аттракционным инженером». Человек чистит городской бассейн и называет себя «акватик-менеджером». Охранник отеля называет себя «директором по предотвращению потерь».

Что в имени тебе моем?

Ничего – и все. Все зависит от того, что это за имя, кто дал его тебе, развивает оно тебя или ограничивает. Вместо того чтобы ужиматься, силясь втиснуться в название своей должности, иногда нужно взорвать рамки, в которые тебя загнали, и создать название, которое тебе подходит.

Главное – организовать в своей должности пространство, которое будет соответствовать желанному для тебя названию.

Когда меня взяли на работу в качестве бизнес-репортера в газету Beacon Journal в Экроне, я проплакала всю дорогу домой. Мне нужна была эта зарплата и преимущества этого рабочего места, но я не хотела быть бизнес-репортером. Я не хотела писать о зарплатах, ежегодных заседаниях и ежеквартальных отчетах. Я ненавидела числа и данные. Они никак не вписывались в мантру, которую вколачивали нам в головы в школе журналистики: «Дайте мне людей!» Где же там люди – в биржевых списках и статистике?

Это была моя работа – искать их; так я и поступила. Я писала о деловых новостях, но при этом создавала параллельный ритм, помещая в центр повествования людей, у которых была интересная работа. Я писала о трубочисте, о водителе цементного грузовика, о пилоте аэростата. Я делала журнальные статьи о рабочих и фермерах, а однажды целый день ходила по пятам за женщиной, показывавшей мне полицейскую академию.

Поначалу не все одобряли мое рвение, но результат обычно нравился людям. Многие начальники помещают подчиненных в клетку. В какую бы клетку тебя ни посадили – расширяй ее. А еще лучше – снеси ее стенки, разложи ее по полу, преврати свою клетку в открытый на все четыре стороны чистый лист – и пиши на нем все, что хочешь.

Ни о чем не спрашивай. Просто делай. Как говорится, лучше просить прощения, чем разрешения. Каждое утро перед работой решай, кем ты хочешь быть, – и давай уже, будь им. Все зависит от тебя, не от кого-то другого. Никто, кроме тебя, не ответственен за создание твоего резюме, за обеспечение тебя трудной, но интересной работой, за придание смысла твоему рабочему дню.

До того как я получила «работу своей мечты», став газетным колумнистом, я говорила людям: «Я – колумнист без колонки». Это помогало мне видеть дальше моей репортерской должности и устремлять взор на должность, о которой я мечтала. Обожаю это знаменитое высказывание поэтессы Люсиль Клифтон: «Как тебя называют – это одно дело; что ты на это отвечаешь – другое». Это как раз зависит от тебя.

Ни о чем не спрашивай. Просто делай. Лучше просить прощения, чем разрешения.

Когда я была маленькой, у нас была соседка Тельма, ровесница моей мамы. Я относилась к ней с жалостью, поскольку всю свою жизнь она проработала на больничной кухне, одетая в розовую униформу и сеточку для волос, – пока до меня не дошло, почему она это делала. Пусть ее должность называлась «помощница по кухне», но Тельма считала себя кем-то гораздо большим. Корочка на пирогах получалась у нее лучше всех в нашем городке. Какая это была радость для пациентов! И не важно, как называлась ее работа, все равно она считала себя пекарем-кондитером.

Я думала о Тельме, когда меня попросили выступить на церемонии в честь служащих Кливлендской клиники, проработавших на своих местах по 25 лет. Это могло бы оказаться обычное собрание с вереницей рукопожатий, вспышек фотокамеры и вручения памятных часов. Это мог бы быть безликий вечер одинаковых благодарностей, вынесенных 200 работникам. К ним можно было отнестись как к шестеренкам в гигантской медицинской машине, какой является Кливлендская клиника.

Вместо этого вечер напоминал сундук с сокровищами, наполненный чем-то более ценным, чем бриллианты и золото. В каждом участнике видели того, кем он был, – человека, спасающего других и делающего лучше жизнь пациентов, родственников и коллег.

Все они начинали работать в больнице до появления компьютеров, когда счета печатали вручную, медсестры ходили в белых чепчиках и никто не платил за парковку. В те времена кабинетики клиники были размером с грузовой лифт; некоторые из них действительно располагались в старых лифтах.

Когда их чествовали, невозможно было отличить врачей от санитарок. Не имело значения, кто сколько зарабатывает или какую занимает должность. В тот вечер все были равны. Каждый из них отдал больнице 25 лучших лет своей жизни. В программе была рассказана биография каждого работника, но она не имела ничего общего с содержанием рабочего резюме. Говорилось о том, что действительно важно. Всегда жизнерадостна. Приятен в общении. Человек с беспредельным запасом энергии. Замечательный рассказчик. Скромница.

В программе упомянули о том, что одну женщину, координатора отдела ракового центра, часто можно было застать за рабочим столом в неурочное время: она засиживалась до поздней ночи, стараясь получше составить расписание пациентов. Один из служащих, которого можно было бы назвать уборщиком, не просто убирал кабинеты – он помогал гостям клиники ориентироваться в здании. Пожарный был не только пожарным. Он был настоящим хронометром в человеческом облике, который каждый день в течение своего первого года работы ездил из Коламбуса в Кливленд и ни разу не опоздал. А ехать ему было два с половиной часа – в одну сторону.

Санитары нашего мира так же важны, как и хирурги-кардиологи.

Одного педиатра хвалили за то, как он подражал голосу утенка Даффи, успокаивая даже самых перепуганных детишек и заставляя их смеяться во время медицинского осмотра. Он также проделал огромную работу, добиваясь, чтобы требование надевать велосипедные шлемы было законодательно закреплено в нашем штате. Одну медсестру отрекомендовали как актрису, юмористку и автора опубликованных произведений. Ее также прозвали «сестра-шептунишка». И что же она шептала? Очень может быть – «выздоравливай, выздоравливай, выздоравливай».

Там говорили о стоматологе, который специализировался на пересадке тканей. Он дарил своим пациентам новый шанс взглянуть жизни в лицо – с новыми

глазами, ушами, носами и ртами. Благодаря ему пациенты могли продолжать наслаждаться напитками, едой, поцелуем.

Человек, который контролировал запасы сухих продуктов и поставки, заботился о том, чтобы малыши не оставались голодными. Он тщательно следил, чтобы в больнице всегда было достаточно бутылочек с сосками и детской молочной смеси.

Я ушла с этого праздника, зная, что санитары нашего мира так же важны, как и хирурги-кардиологи, и не имеет значения, как называет нас мир. Мы сами решаем, кто мы есть на самом деле. И от каждого из нас зависит, уберем ли мы из речи слово «просто», говоря о своей должности.

Урок 5

В драме жизни нет маленьких ролей

Мелкие мысли не дают многим из нас вершить великие дела. Мы отговариваем себя от добрых поступков, потому что рассчитываем, что кто-то другой их совершит, или сомневаемся, что у нас хватит на них сил.

Иногда так чувствуют себя люди, находящиеся на нижних ступенях социальной лестницы: невидимые труженики кабинок, безымянные кассиры, голоса неведомых и безликих телефонисток. Но именно такие люди изменили жизнь одного человека за неделю. Изменили ее навсегда.

Однажды летней ночью 2003 года Марти Кенни лишился правой руки в результате автомобильной аварии. Один друг бросил его умирать на мосту в индустриальном районе Флэтс в Кливленде, а другой друг остался рядом и спас ему жизнь.

Тот летний июньский денек начался как праздник дружбы. Марти и Дин Стекер провели его, собирая виниловый сайдинг, забивая гвозди под горячими лучами солнца. Кончилось все вечеринкой в обществе приятеля Марти, Грега.

Грег повез всю компанию в бар в районе Флэтс. Когда они в половине двенадцатого вышли из бара, Грег завел мотор и рванул с места так, что из-под колес полетел гравий. Машина шла со скоростью 60 миль в час в 25-мильной скоростной зоне, и Грег втопил педаль в пол. Марти крикнул ему, чтобы тот снизил скорость, потом вцепился в дверную ручку и держался за нее, что было сил. Машина ухнула в дорожную яму, взлетела в воздух и понеслась к разводному мосту.

Бах!

Машина ударилась в боковину моста с такой силой, что перевернулась и заскрежетала боком по стальному полотнищу. Разрываемый в клочья металл стонал, как поезд при резком торможении. Когда машина остановилась, проехав 240 футов на боку, Дин вылез из окна. Марти застрял под машиной. Кисти руки у него больше не было.

Дин принялся изо всех сил толкать машину, силясь перевернуть ее и вновь поставить на колеса, чтобы освободить Марти. Грег в невменяемом состоянии бродил вокруг, и его визитки сыпались сквозь решетчатые перила в воду, как конфетти. Дин сорвал с себя рубашку и перебинтовал ею руку Марти. Он крикнул Грегу, чтобы тот позвонил в Службу спасения. И в шоке увидел, как Грег наклонился, подобрал боковое зеркальце от своей машины, сел в нее и уехал прочь, увозя единственный сотовый телефон. Надежды растаяли в ночи вместе с красными тормозными огнями.

Мы отговариваем себя от добрых поступков, потому что рассчитываем, что кто-то другой их совершит, или сомневаемся, что у нас хватит сил.

Дин, обхватив истекавшего кровью приятеля руками и ногами, сидел вместе с ним на мосту над рекой Кайахога. Марти потерял столько крови, что она просачивалась сквозь стальной мост, точно струйки дождевой воды. Дин баюкал Марти на руках, укачивая его, словно мог таким образом остановить кровотечение. Одежда обоих насквозь промокла от крови.

На этом темном безлюдном мосту в кливлендском индустриальном районе Флэтс Дин кричал Марти: «Держись, друг, не теряй сознание». Когда Марти затихал,

Дин снова принимался качать его и говорил ему все те слова, которые нужно слышать умирающему: «Твоя жена любит тебя, твой сын любит тебя, и я тебя люблю».

Потом он услышал шорох шин и увидел свет фар. Дин осторожно уложил Марти, прыгнул прямо под колеса автомобиля и начал звать на помощь. Водитель позвонил в Службу спасения. Дин, став живым шлагбаумом, спас Марти от смерти, но надежды спасти его кисть не было.

Позже в зале суда судья показал всем фотографии израненной руки Марти, в то время как Грег стоял с обеими здоровыми руками, скованными наручниками за спиной. Марти смотрел на эти руки с завистью, с гневом, с печалью. Грегу было предъявлено обвинение в нападении на человека с применением транспортного средства при отягчающих обстоятельствах. В зале суда Марти потянулся было, чтобы взять жену за руку, да вот только с той стороны у него уже не было пальцев. Она оплела пальцами обрубок, оставшийся от его кисти, и тихонько держалась за него.

Четыре долгих месяца этот молодой мужчина, которому был всего 21 год, заново учился завязывать шнурки, выписывать чек, менять подгузники новорожденной дочери, играть в салки с четырехлетним сыном. Семья проживала те деньги, которые они с женой копили на ремонт дома.

Я стояла на мосту, где Марти лишился кисти, когда он сам впервые решил побывать на месте происшествия. Он провел пальцами по исцарапанной поверхности моста, проследил глазами тормозной путь и уставился в воду.

– Надо бы посмотреть, где там моя рука, – пошутил он; но я видела, что это не совсем шутка. Он оставил здесь часть себя. Марти не так уж много помнит об этом вечере. А Дин не может его забыть.

Я написала большую статью об этом происшествии, о дружбе молодых людей, о попытках Дина спасти друга. Они вдвоем отпраздновали завершение судебного дела. Сели за стол в столовой Марти и сдвинули в сторону стопки медицинских счетов, которые страховая программа «Медикер» соглашалась покрывать, если Марти не будет работать вообще, а его жена не будет зарабатывать слишком много. Но он понятия не имел, где взять денег на протез руки. Его сынишка мечтал, что у папы будет кисть-робот, чтобы в случае чего

они могли «ударить по рукам». Дин опасался, что Марти падет духом, если больше никогда не сможет держать бейсбольную биту, завязывать леску на удочке или брать на руки обоих детей одновременно.

Когда история Марти была опубликована, конторские служащие и телефонные операторы в своих серых кабинках в клинике протезирования и ортопедии в Южном Юклиде, штат Огайо, не могли забыть его лицо и отсутствующую руку. Лиза Кауарди впервые увидела фотографию Марти в газете, и ей стало плохо.

– То, что с ним случилось, – бесчеловечно, – говорила она. – Мы хотели показать ему, что такое настоящая человечность.

Кто такая Лиза?

Она пожимает плечами:

– Я просто кассирша.

Просто?

Ее работа – получать оплату за услуги. Она никогда не видит лиц пациентов, только их счета.

Она и ее коллеги – женщины, делившие маленький кабинетик над складом, – прочитали о Марти и обратились к руководству больницы. Лиза сделала копии статьи и отдала их Кимберли Рид, заведующей отделом протезирования. Еще одна сотрудница отыскала Марти.

Все женщины со второго этажа – Шэрон Спитс, Алида ван Хорн, Ирен Фланик, Роуз Джонсон и Аннет Филипс – хотели помочь Марти снова играть в бейсбол с сыном и кормить малютку-дочь из бутылочки.

Благодаря их заботе и настойчивости Марти бесплатно получил роботизированную руку-протез, стоившую 58 тысяч долларов.

Телекамеры наперебой ловили картинки – как Марти испытывает свою новую руку, подбирает ею салфетку, ставит подпись, держит бутылочку. Но камеры

не засекли тот момент, когда Марти благодарил женщин, которые помогли этому случиться.

– Замечательные вы мои, все это просто изумительно, – сказал Марти. – Вы – великие люди!

Марти то и дело сжимал и разжимал пальцы, взахлеб рассказывая, как сильна его новая рука.

– Ну-ка, сделай этот чисто мужской жест – почешись! – пошутила Лиза.

– Только не этой рукой! – рассмеялся в ответ Марти.

Он закатал рукав, чтобы показать ее женщинам во всей красе.

– О Боже мой, красота-то какая! – ахнула Ирен.

– Я такого даже представить себе не мог, – проговорил Марти, борясь с подступающими слезами.

Он пообещал как-нибудь навестить их вместе с женой и детьми, потом поднял свою новою руку и помахал им на прощание, как будто ему это ровным счетом ничего не стоило.

Урок 6

Давай другим второй шанс произвести первое впечатление

Люди всегда говорят: «У тебя не будет второго шанса произвести первое впечатление».

Слава Богу, что люди в моей жизни были достаточно милосердны, чтобы не один раз давать мне второй шанс!

Сколько раз я производила плохое первое впечатление – и не сосчитать. Когда я еще студенткой впервые переступила порог новостной редакции, чтобы встретиться с моим наставником, на мне была черная блузка с серебряными блестящими полосками, кружевным воротничком и рукавами, которые вздымались над предплечьями, подобно воздушным шарикам. Белая юбочка из марлевки, пара черных чулок и снежно-белые туфли дополняли ансамбль. Кому-нибудь следовало бы вызвать полицию моды, чтобы мне выписали штраф.

Два года спустя я пришла в редакцию на собеседование по поводу работы. В тот раз я была настроена серьезно. На мне был мой единственный костюм. От этого собеседования в газете «Бикон Джорнел» в Экроне зависело столь многое! Мне было 30 лет, я была матерью-одиночкой без денег, зато с большими мечтами. Я хотела стать настоящей журналисткой, из тех, что способны оплачивать аренду квартиры, занимаясь исключительно писательской работой. Пытаясь устроиться хотя бы на испытательный срок, я уже испортила свое первое впечатление. В газете «Питтсбург Пресс» редактор спросил о моих хобби и интересах. Я признавалась в любви к скрипичной музыке, но проглотила язык, когда примерно час спустя он задал мне вопрос об Исааке Стерне. В голове у меня моментально стало пусто.

Люди в моей жизни были достаточно милосердны, чтобы не один раз давать мне второй шанс!

Я также пыталась устроиться на испытательный срок в газету «Детройт Фри Пресс». Редактору понравилось мое резюме, и он попросил меня написать эссе. Я печатала свое могучее эссе на разваливающейся печатной машинке. Исправления пришлось вносить карандашом. Редактор мне так и не перезвонил. Наконец, после тридцати писем с отказами маленькая газетка в городке Лорейн, штат Огайо, «Лорейн Джорнел», взяла меня в 1986 году на испытательный срок, который превратился в постоянную работу.

Иногда теми, кому нужен второй шанс, оказываемся мы; иногда от нас зависит, дать ли его кому-то другому. Иногда случается и то, и другое. Так и было с самым потрясающим боссом, какой только встретился мне в жизни.

О нем ходили легенды. В большинстве своем – правдивые. По редакции летали мусорные корзины. Головы летели с плеч. Взрослые мужчины рыдали.

Мой первый редактор, Джон Коул, был этаким Лу Грантом на стероидах. Он выделил мне стол, стоявший точно под звонком, который трезвонил, когда у нас наступал дедлайн. Но сидеть под звонком было не так плохо, как сидеть прямо за дверью его кабинета в редакции «Лорейн Джорнел». Гнева Джона страшились все. Он увольнял людей и вновь брал их на работу, иногда в один и тот же день.

Однажды ему так не понравилось то, что он увидел в газете, что он влез на стол посреди новостной редакции, выдал длинную тираду о том, что он мог бы с тем же успехом бросить все и помереть, а потом улегся на пол.

Как-то раз один фотограф показал ему фотографию к статье с изображением монахини в полном одеянии, плещущейся в озере Эри.

– Что ты об этом думаешь? – спросил у меня Джон. Вопрос с подковыркой. Интересно, ему-то самому нравится?

– Эээ… она интересная? – полуспросила, полуответила я.

– Нет, неинтересная, – отрубил Джон. – Это клише.

А потом разорвал фото в клочки и осыпал ими ботинки фотографа.

Джон был матерым волком. Под его руководством матерели и мы. Он был из тех начальников, которые навсегда делают тебя другим человеком. Многие годы спустя ты по-прежнему несешь на себе его отпечаток – и шрамы. Он стал редактором газеты, когда ему было 29 лет. Люди, работавшие с ним, описывали его одними и теми же словами: переменчивый, требовательный, умный, бесстрашный, странный, безапелляционный, грубый. Они называли его крестоносцем, презирающим коррупцию, – он прославлял истину и никогда ни перед кем не трусил.

Джон стоял за нас горой. Я не раз слышала, как он вопил по телефону собеседнику: «Это мои репортеры! Если у вас проблемы с моими репортерами, значит, у вас проблемы со мной!»

Конец проблемы.

Когда я была еще молодой и зеленой, другой репортер спихнул мне статью, которую ему поручили, но делать ее он не хотел. Это означало, что мне снова придется засидеться за полночь – сверх моего собственного задания, посвященного работе мэрии. Я смахнула слезы на письменный стол.

– Бретт, а ну-ка, иди сюда! – крикнул Джон.

Он бросал мне вызов, призывая стать круче.

– В моей новостной редакции нет места слезам! – рявкнул он. О, если бы он только знал, сколько слез было пролито в этой редакции!

– Не позволяй людям тебя запугивать! – вопил он.

Странно, но я вышла из его кабинета, чувствуя себя лучше, как будто он налил мне чашечку храбрости. Потом он призвал к себе того репортера. Слушая его вопли, я старалась не улыбаться. Пару минут спустя репортер подошел к моему столу, не глядя на меня, попросил вернуть ему то самое задание, а потом пробормотал:

– Джон сказал, что ты можешь идти домой.

Джон был неравнодушен именно к тому, к чему надо. Он дал мне понять, что человек никогда не бывает слишком маленьким, чтобы иметь значение, и никогда не бывает слишком большим, чтобы не быть благодарным.

Я проработала с ним всего шесть месяцев, и однажды перед самым дедлайном зазвонил телефон. Теперь под звонком пригибался уже другой новичок, посаженный Джоном. До звонка оставались считаные минуты, когда секретарь протянула мне телефонное сообщение с незнакомым именем. Я перезвонила по указанному номеру, и мне ответил Джон Гринман из «Бикон Джорнел». Он не имел никакого отношения к статье, которую я писала, поэтому я сказала ему, что у меня дедлайн, и повесила трубку.

А потом до меня дошло: «О нет, я только что испортила себе будущее!» Да, я послала к черту редактора из той самой газеты, в которой я так хотела работать. Еще одно ужасное первое впечатление.

Когда я снова перезвонила ему, он был впечатлен тем, что я ставлю рабочий дедлайн на первое место, и попросил меня приехать на собеседование.

В том 1986 году сэр Джеймс Голдсмит пытался прибрать к рукам самое крупное предприятие Экрона – компанию Goodyear. Газета отрядила всех своих лучших журналистов на освещение этого великого события. И газете потребовался еще один бизнес-журналист, который освещал бы менее важные новости.

Я ничего не знала о мире бизнеса. Никогда прежде я не читала в газетах разделы, посвященные деловым новостям, поэтому была совершенно не готова. Я пришла на собеседование в своем единственном деловом костюме, стараясь выглядеть как можно умнее и профессиональнее. На этот раз на мне не было никаких черно-белых катастрофических нарядов. Меня проводили в офис редактора. Там оказалось полным-полно мужчин, на которых красовались широкие желтые галстуки. Собеседование шло неплохо – до того момента, пока редактор газеты не спросил меня, как бы я написала биографический очерк на тему «Мартин Мариэтта».

Я никогда не слышала этого имени, но дала ему полный отчет о том, как бы я собирала информацию о мистере Мариэтте. А потом заметила, что редактор выглядит так, будто из него вот-вот вывалится почечный камень. Все остальные чуть ли не корчились, пока я разглагольствовала о «мистере Мариэтте». Наконец один из них сообщил мне новость: «Мартин Мариэтта» – это не человек. Это крупная оборонная корпорация.

О Боже! Какая я дура! Я молилась всю дорогу до собеседования, а во время него держала раскрытой правую ладонь, представляя, что Бог держит меня за ручку… И что теперь? Я мысленно проговорила молитву, сделала глубокий вдох и сказала что-то вроде: «Что же, всем очевидно, что делового мира я не знаю, так что если вам нужен опытный бизнес-репортер, то я не та, кого вам стоит нанять. Но я умею делать репортажи и писать, и я готова учиться всему, что нужно, чтобы получить эту работу».

Они были снисходительны и по очереди пожали мне руку. Один из них проводил меня к лифту. Когда я нажала кнопку, сердце у меня упало. Похоже, я только что профукала лучший шанс в своей жизни – устроиться на работу в прекрасную газету. Но не успела еще открыться дверь лифта, как из кабинета вышел финансовый директор и спросил, когда я смогу приступить к работе.

Что? Они все равно собираются меня взять?!

Именно это они и сделали.

Позже я узнала, что они наняли литературного редактора, которая неправильно написала в резюме собственное имя. Вот и говорите после этого о первом впечатлении…

Как же трудно было мне сообщить моему редактору в Лорейне, что я ухожу от него спустя всего шесть месяцев, проведенных на этой работе – моей первой настоящей работе!

Когда я уходила из его газеты, Джон Коул пожелал мне всех благ, но был не особенно многословен. Спустя неделю мне позвонила мама. Джон Коул послал моим родителям письмо со словами о том, что они отлично справились со своей работой.

Урок 7

Любая работа настолько волшебна, насколько волшебной ее делаешь ты

Какая работа была худшей в твоей жизни? Этот вопрос всегда дает отличную тему для начала разговора. Давай, расспроси об этом людей. Но только осторожно. Худшая работа для тебя может оказаться лучшей работой для кого-то другого.

Разве не здорово было бы обмениваться рабочими местами в космическом масштабе? Если бы каждый отказался от той работы, которую он ненавидит, кто-то другой, кому она по-настоящему нравится, мог бы занять его место и стать счастливым.

Какой была моя худшая работа? Забирать мертвые тела в похоронном бюро.

Когда работаешь в похоронном бюро, занимаешься всем понемногу. Печатаешь мемориальные карточки, моешь катафалки, обслуживаешь панихиды

и выезжаешь по вызову. Первое мертвое тело забыть невозможно. Когда я впервые дежурила «на вызовах», я понятия не имела, чего ожидать. Только задремлешь ночью – и звонит телефон, нужны твои услуги. Мой первый звонок раздался в три часа ночи. Жуткое чувство – ехать в катафалке по городу посреди ночи (как в фильме ужасов), чтобы забрать тело.

Если бы каждый отказался от той работы, которую он ненавидит, кто-то другой, кому она по-настоящему нравится, мог бы занять его место и стать счастливым.

Этой женщине было немного за сорок, у нее были густые черные волосы. Прошли десятилетия, а я до сих пор помню ее лицо. Она лежала в постели, глаза ее были открыты. Она тяжело болела, и семейный врач уже приехал, чтобы засвидетельствовать ее смерть. Присутствовали родственники, поэтому мне приходилось вести себя так, будто мне совсем не страшно прикасаться к ней. Я и не представляла, как трудно поднять мертвое тело, пока мне не пришлось это сделать. Это придало новый смысл расхожему выражению «мертвый груз». Когда я вернулась в похоронное агентство, нам пришлось раздеть тело, обмыть его и уложить для предстоящей панихиды.

Временами похоронный бизнес способен полностью выбить из душевного равновесия. Неделю за неделей ты погружаешься в мир смерти и скорби. Приходится обрабатывать уже не похожие на людей разложившиеся тела, найденные через несколько недель после смерти. Приходится маскировать отверстия, оставленные в телах пулями, но никак не удается скрыть раны, оставленные этими самоубийствами в душах выживших. От запаха смерти тебя тошнит, пока его не вытеснит запах бальзамирующей жидкости, от которой слезятся глаза. Но ничто так не выворачивает душу наизнанку, как крохотные гробики. Новорожденные, мертворожденные, надежды и мечты всей жизни, которые закончились пустой детской комнатой и онемевшими от горя родителями, сомневающимися, что могут продолжать называть себя так.

И в чем же здесь волшебство?

Когда видишь смерть так близко, начинаешь испытывать глубокую благодарность за жизнь. Однажды наш бальзамировщик позвал меня ассистировать ему. Он показал мне, как годы нездорового питания способны сузить артерии шеи. Я никогда не забуду зрелище поперечного сечения артерии

того мужчины. Я думаю о нем каждый раз, когда меня тянет полакомиться картошкой фри.

Однажды я вошла в комнату для бальзамирования и с порога увидела мужское тело, чья грудная клетка была распахнута, как открытая книга. Тело было подвергнуто аутопсии, и бальзамировщик раскрыл его, чтобы подготовить. На мгновение меня охватил ужас, и я отпрыгнула назад. Но потом это зрелище совершенно зачаровало меня. Я придвинулась ближе и стала пристально всматриваться в каждое ребро и ткань, которые некогда окружали его бьющееся сердце. Это был удивительный момент. Как часто удается заглянуть внутрь человеческого тела?

За многие годы работы я брала интервью у сотен людей, от пилота аэростата до рабочих-мигрантов. Все они занимались работой, на которую один человек с удовольствием согласился бы, в то время как другой бы ее возненавидел. Я провела несколько недель, беседуя с рабочими-мигрантами на агроферме в Хартвилле, штат Огайо. У них-то как раз была работа, которая, как я полагала, вызвала бы неприязнь у большинства людей.

Женщины, с которыми я беседовала, говорили, что предпочли бы называться полевыми рабочими. Они не считали себя мигрантами. Им не нравилось то клеймо, которое накладывало на них название их работы. Одна женщина сказала мне, что слово «мигрант» создает образ бедных, грязных, необразованных людей, которых можно лишь пожалеть. «Они называют нас мигрантами, но это не так. Мне нравится рубить латук. И оплата честная, – говорила она. – Если я не хочу работать, меня никто не принуждает. Я просто меньше заработаю».

Эти женщины приехали из Южной Каролины, Флориды и Техаса, чтобы работать на черноземных полях в Хартвилле. Они привезли с собой детей, рабочую одежду и Библии. Они селились в старых домах, хижинах и трейлерах. Они носили ярко-желтую непромокаемую униформу – под цвет таких же желтых непромокаемых плащей, и в глубину полей фермы, раскинувшейся на 400 акрах, их доставляли старые школьные автобусы. Они сажали и убирали листовой салат сортов бибб, ромен и эндивий, листья которого так и сияли на фоне черного грунта. Они убирали волосы под яркие банданы и широкополые соломенные шляпы, втискивали пальцы в оранжевые резиновые перчатки и перевязывали лодыжки резиновыми лентами, чтобы жучки не забирались в штаны, а затем всовывали ноги в черные резиновые сапоги.

Каждый день они как бы сливались воедино с природой. Их музыкальным фоном был хруст коленей, сгибающихся в унисон, скрип холодных ножей по нагретому солнцем зеленому салату, тихие гимны Иисусу, взмывавшие к небу из-под сомбреро. Я слышала, как по рядам сборщиц то и дело прокатывается веселый смех.

Я провела с ними один день, собирая репчатый лук, и вернулась домой с адской болью в спине. Когда я сморкалась, на пальцах оставалась черная пыль. Я не смогла бы продержаться на этой работе и пары дней. А они никогда не жаловались. Они радовались птичьему гнездышку, найденному в поле. Они бегали проверять это гнездышко каждый день и делились новостями о матери-птичке и ее малышах.

С помощью резинок они вязали букеты из красного редиса. Они никогда не бросали работу – ни в дождь, каким бы сильным он ни был, ни на солнце, как бы нещадно оно ни палило. Когда зной становился непереносим, женщины хохотали и бегали освежаться под поливальные установки. Они бросались друг в друга салатными листьями. Они болтали о любовных интрижках из телесериалов. Они мечтали о том, как потратят заработанные деньги в торговом центре. Они говорили мне, что предпочитают солнце, ветер и небо любой работе в помещении. Они жалели людей, которые вынуждены весь день сидеть в офисе за стеклянным окном, отгораживающим их от мира.

– Здесь чувствуешь себя свободной, а не запертой в клетке, – сказала мне Уилла Мэй.

Эти женщины помогли мне понять, что любая работа настолько волшебна, насколько волшебной ее делаешь ты. Иногда это волшебство заключается не в зарплате или привилегиях. Оно заключается в том, что ты создаешь или оставляешь за собой – начиная от того гнездышка в поле и заканчивая букетом из красного редиса, который оказывается на прилавке в продуктовом магазине.

Урок 8

Времени хватает на все – но не на все сразу

Вначале моей журналистской карьеры один мой босс довольно резко привел меня в чувство, заставив осознать свою двойственную роль. Я была матерью-одиночкой и подающей надежды журналисткой – и хотела преуспеть в обоих этих амплуа.

Как-то раз один редактор подошел ко мне, радуясь возможности предложить мне невероятный шанс – поехать в командировку за пределы штата и написать большую статью о животрепещущей новости. Он думал, что я ухвачусь за это предложение. Да и какой журналист этого не сделал бы?

Таким журналистом была я.

У моей дочери был лишь один родитель. Отец в ее жизни не участвовал. Мне одной приходилось ломать себе голову над вопросом, с кем оставить ребенка. Необходимость за короткий срок найти человека, который смог бы провести с ней несколько дней и ночей подряд, казалась мне непреодолимым препятствием. Я сказала редактору, что не могу дать ему ответ сию же секунду. Он кисло посмотрел на меня, покачал головой и сказал:

– Бретт, тебе придется делать выбор, кем быть – матерью или репортером.

Правда? И как же это сделать? Мне нужна была эта работа, чтобы содержать свою дочь.

Ему-то легко было разделить свою жизнь на две несовпадающие части и стопроцентно сосредоточиваться на работе! У него дома была жена, которая занималась хозяйством и заботой о ребенке.

В те времена мне хотелось стать настоящей львицей новостной редакции – но при этом быть лучшей матерью на свете. Как же достичь обеих целей? Казалось, они никак друг с другом не сочетаются. Жонглировать родительскими обязанностями и работой нелегко. И стоит тебе только немного попривыкнуть, как возникает ощущение, что кто-то коварно подкидывает в число предметов, которыми ты жонглируешь, то шар для боулинга, то сырое яйцо.

Я уже лишилась одной возможной работы из-за того, что была матерью-одиночкой. За несколько лет до начала моей журналистской карьеры дорожно-строительной компании понадобилась секретарша, которая одновременно работала бы диспетчером. Я подходила для этой работы. Я научилась пользоваться радиостанцией, когда работала санитаркой «Скорой помощи», и некоторое время занимала пост офис-менеджера. Идеальный вариант! Представитель этой компании позвонил моему тогдашнему работодателю и задал всего один вопрос: пропускает ли Бретт работу по причине ухода за ребенком?

То место я так и не получила.

Как же стать отличным родителем и отличным работником? Неужели выбор действительно неизбежен?

Окончательную ясность в этом вопросе я обрела лишь годы спустя, когда одна женщина сказала мне: «Получить все можно; просто невозможно получить все одновременно». А может быть, даже можно почти одновременно – просто не в один и тот же час, не в один и тот же день или не в одну и ту же неделю.

Однажды я выступала в ретрите[1 - Ретри?т, также Ритри?т (англ. Retreat) – «уединение», «удаление от общества», обычно означает мероприятие, посвященное духовной практике.] под названием «ДЫШИ» в «Лагере Робин Гуда», располагавшемся – кто бы мог подумать! – возле городка Фридом (Свобода) в штате Нью-Гэмпшир. Этот женский семинар по выходным дням предлагал участницам всевозможные виды здорового отдыха, включая пешие походы, езду на велосипеде, плавание и греблю на каноэ. В конечном счете я оказалась на стрельбище с винтовкой в руках. Бах! Бах! Бах!

Получить все можно; просто невозможно получить все одновременно.

Меня привела в восторг не столько мощь оружия, сколько фокус и сосредоточенность, которые были необходимы, чтобы поразить мишень, расположенную в 20 футах передо мной. Я собрала на стрельбище несколько расстрелянных мишеней и использовала их во время своего выступления, чтобы показать, как нужно сосредоточиваться на «яблочке» и не терять прицел,

стараясь попасть во внешние кольца мишени.

Джейми Коул, которая организовала этот ретрит, сказала, что ей трудно смириться с мыслью, что нужно ограничиться только одной мишенью, когда множество таких мишеней всплывает в ее жизни одновременно, иногда в один и тот же день или даже час. Работа, дети, разнообразные увлечения… И я задумалась о той проблеме, которая для всех нас является общей. Какое дело сделать приоритетным тогда, когда кажется, что приоритетны они все?

Я вновь отправилась на стрельбище – и нашла ответ. На одном из бумажных листов был изображен не один круг мишени, а целых пять, но поменьше размером. У каждой мишени были собственные внешние круги и собственное «яблочко». Иногда приходится переключаться между мишенями. Джейми понравилась эта аналогия.

Вместо того чтобы ставить перед собой в жизни всего одну мишень и вынужденно сдвигать то детей, то работу во внешние сектора, Джейми могла поместить в «яблочко» все – просто на разных мишенях.

Мы разговорились и о том, каким образом, занимаясь работой, целиться в «яблочко». Нужно сосредоточиться на задаче, на проекте, на работе, на ее сути. Нам часто приходится одновременно справляться с несколькими мишенями, а порой они все еще и движутся.

Я научилась останавливаться и оценивать мишень, когда она впервые появляется в моей жизни. Я делаю паузу и вновь вхожу в свою жизнь с намерениями, которые меняются час от часа. Когда я вела еженедельную радиопрограмму, я делала паузу, «перезагружалась» и напоминала себе, что сейчас буду кого-то интервьюировать, поэтому мне нужно внимательно слушать и полностью присутствовать здесь и сейчас. Когда я навещаю своих внуков, я делаю паузу, «перезагружаюсь» и напоминаю себе, что я – их невероятно веселая бабушка, которая приехала играть, читать, в шутку бороться с ними и строить крепости.

Каждый раз, вступая в новый сектор своей жизни, я делаю паузу, «перезагружаюсь» и предъявляю свои права на новую индивидуальность. Я убеждаюсь в том, что нахожусь в правильном секторе, что в правильном секторе нахожусь правильная я – час за часом, сектор за сектором. Это мой

способ сделать свою жизнь священной, а каждое дело – святым.

Нам часто приходится одновременно справляться с несколькими мишенями, а порой они все еще и движутся.

Всякий раз я вновь спрашиваю себя: что за «яблочко» у этой конкретной мишени? Лучшая мать. Лучшая начальница. Лучшая бабушка. Я больше не беру с собой работу, когда езжу навещать своих внуков. Я больше не проверяю электронную почту, играя с ними в «Лего». Когда ты дома, целься в «родительское яблочко». Когда ты с детьми – ты с ними на сто процентов. Выключи свой телефон, планшет и электронную почту – и присутствуй целиком.

Когда мой разум запутывается в куче приоритетов или начинает метаться между ними, я делаю паузу и решаю, у какой мишени высший приоритет именно сейчас. Потом сосредоточиваюсь на ней со всей энергией и страстью, которая есть во мне, чтобы поразить ее в самое «яблочко».

Никто из нас не способен сделать абсолютно все – или сделать все идеально. Я никогда не забуду бурю осуждения, которая обрушилась на жену кандидата в президенты Митта Ромни. Энн воспитывала пятерых сыновей. Некоторые женщины презрительно морщились и говорили, что Энн «ни одного дня в жизни не работала». «Мамские войны» достигли тогда небывалого накала, несмотря на то что все мы знаем: любая женщина, вырастившая пять сыновей, не провела в праздности ни дня своей жизни.

Этот вопрос включает нашу «ядерную кнопку»: достаточно ли я?.. Это война, которая бушует в душе каждой матери. Достаточно ли я делаю для своих детей, если работаю вне дома? Достаточно ли я делаю для себя и для мира, если не работаю?

Мало того, однажды журнал «Тайм» имел нахальство напечатать на обложке вопрос: Хорошая ли ты мама? И ситуацию еще больше усугубила фотография, на которой красовалась сексуальная молодая мамочка в джинсах в обтяжку, кормившая грудью трехлетнего сына. Фото этой женщины кое-кого обеспокоило, но вопрос, заданный заголовком, должен был бы обеспокоить нас всех.

Хорошая ли ты мама?

Немало таких дней, когда ответ, данный нами самим себе, будет отрицательным.

Как тот день, когда моя маленькая дочка протянула мне ложку хлопьев, чтобы показать маленького червяка, извивавшегося среди них. О Господи, когда у этих хлопьев закончился срок хранения?! Или тот день, когда я улучила минутку, чтобы присесть в кресло на лужайке и открыть книгу, а моя малышка метнулась на улицу. Или тот день, когда я пришла достать ее из колыбельки и обнаружила, что она играет тем, что выкатилось из подгузника, который я плохо на ней застегнула. Или то утро, когда я обнаружила, что она грызет вместо завтрака пачку сливочного масла, после того как научилась открывать холодильник. Или то утро, когда мне пришлось отдирать ее пальчики от дверцы машины на парковке начальной школы, поскольку она вдруг стала бояться занятий. Она не знала, что я рыдала горше, чем она сама, когда ехала от школы на работу.

Если бы мы вели счет родительским удачам и неудачам, некоторые дни казались бы нам полным провалом. Моя дочь справляется с материнскими обязанностями гораздо лучше, чем это удавалось мне. Она учила своих малышей самостоятельно успокаиваться, пеленала их плотно, как маленькие бурритос[2 - Бурритос, буррито – мексиканское блюдо, состоящее из тонкой мягкой лепешки, в которую заворачивается начинка.], одевала в расписанные вручную «бодики» и обшивала ленточками слюнявчики. Она даже решила уйти с работы, чтобы быть мамой «на полную ставку».

Бывают дни, когда она звонит мне в слезах, иногда радостных, иногда виноватых, вызванных сложностями воспитания двоих детей – трехлетнего и десятимесячного. Достаточно ли она хорошая мама, если усталый Эшер, плача, просит свое «полосатое одеяльце» и умоляет ее вернуться за ним с дороги, а она этого не делает? Или если она позволяет Эйнсли наплакаться и уснуть, потому что именно сон больше всего нужен усталому младенцу?

Не бывает идеальных родителей. Не идеален никто. Ни те, кто проводит дома весь день. Ни те, кто ходит на работу. Ни те, кто тщательно стерилизует каждую бутылочку и соску. Ни те, кто кормит грудью до тех пор, пока ребенок не получит школьный аттестат.

Я помню, как моя мама поставила себе двойку за родительские обязанности. Она весь день не находила себе места, потому что мой маленький брат забыл дома свой завтрак, и она винила в этом себя. Помню, я думала: «Ого, неужели мы для нее так важны?» Моя мама старалась, как могла, воспитывая одиннадцать детей. В какие-то дни она попадала в «яблочко». В другие – в «молоко». Но она никогда не опускала руки, какой бы утомленной себя ни чувствовала.

Параллель с бейсболом – хороший способ измерения успеха. Отличный средний коэффициент результативности бэттера[3 - Бэттер (англ. batter) – в бейсболе игрок нападения с битой, бьющий.] – 300. Это означает, что ты совершаешь 70 % промахов. Промахи бывают даже у лучших игроков. Некоторые из величайших бейсболистов всех времен включены в список ста игроков Высшей лиги, у которых было больше всех страйк-аутов[4 - Страйк-аут (англ. stryke-out) – в бейсболе ситуация, когда бэттер трижды не наносит удара при подаче и выбывает из игры.]: Реджи Джексон, Хэнк Аарон, Вилли Мэйс, Бэйб Рут, Микки Мэнтл, Сэмми Соса и Барри Бондс. В тот год, когда Бэйб Рут поставил рекорд сезона по хоумранам[5 - Хоумран (англ. Home run) – в бейсболе игровая ситуация, за которую начисляется большое количество очков.], он также поставил рекорд по числу страйк-аутов среди игроков Высшей лиги. Как это утешает!

Каждая мама играет в Высшей лиге. У нас самая важная работа в мире. Мы промахиваемся, потому что каждый день выходим на домашнюю базу и стараемся отбить как можно больше мячей.

Хорошие ли мы мамы?

Ха, еще бы!

Каждая из нас трудится на пределе своих возможностей.

Так что давайте заключим перемирие в «мамских войнах» – как вокруг нас, так и внутри себя. Никаких больше разговоров о том, что нам «следовало бы» делать. Давайте перестанем придираться к себе и другим.

Давайте просто делать все, что можно, и считать, что этого достаточно.

Урок 9

Только ты сам можешь определить свою ценность

«Вы хотите картофель на гарнир?»

Привыкаешь задавать этот вопрос при каждом заказе.

Я проработала в «Макдоналдсе» всего неделю, но след остался на всю жизнь.

Поскольку один из восьми американцев хоть раз да работал в «Макдоналдсе», редактор газеты попросил меня устроиться туда и написать об этом статью ко Дню труда.

В разговоре с менеджером ближайшего «Макдоналдса» я не стала вилять и сразу призналась, что я – газетный репортер. Я попросила ее обращаться со мной так же, как со всеми остальными. Никаких привилегий. Это означало, что мне придется пройти собеседование, прослушать лекцию по профориентации и носить униформу «Макдоналдса», которая была на два размера мне велика.

Даже как-то неуместно нервничать, подавая заявление, на оборотной стороне которого изображена раскраска с летним увеселительным лабиринтом Рональда Макдональда. Бланками заявлений о приеме на работу здесь служили салфетки на подносах. Меня наняли на смену с семи утра до двух дня. Во время профориентации мне вручили фирменный пакет «Макдоналдс» с двумя комплектами формы. Мы просмотрели тренинговые фильмы о том, как надо мыть руки и общаться с покупателями. Аббревиатура TLC означала «думай, как посетитель». Мы ни в коем случае не должны были использовать термин «фастфуд». Мы были «рестораном быстрого обслуживания».

Приехав домой, я раскрыла пакет и вытащила оттуда черные брючки из полиэстера; рубашку-поло в красно-серую и голубую полоску; ярко-красную кепку с огромной буквой М и девизом «Вместе мы – сила». Кепка торчала на волосах в пяти дюймах над моей головой. Моя дочь хохотала до истерики и заставила меня примерить эту форму. Это был единственный наряд, который

она не клянчила у меня поносить.

Каждый день я должна была являться на работу за пять минут до начала своей смены. Вся маленькая комнатка для персонала была сплошь увешана табличками, которые напоминали нам: «Разговаривайте с нашими посетителями, улыбайтесь и запоминайте их имена».

Менеджер вручила мне для просмотра видеофильм под названием «Как подавать улыбки» – о том, как подаются завтраки. Все, что я выставляла на поднос, должно было выглядеть, как на картинках, и подаваться за 59 секунд или меньше.

В конечном счете меня поставили на автомобильное окошко раздачи. Меня тренировала Робин. Она искренне хотела сделать этот мир лучше и использовала для этого свои 30 секунд общения с каждым покупателем. Она умела определять, кто спешит, кому хочется услышать комплимент, кому нужно почувствовать себя важным. Она знала имена постоянных посетителей и собирала их заказы еще до того, как они называли список блюд. Она смотрела им прямо в душу, не обращая внимания на зевающие, угрюмые, небритые физиономии, – и улыбалась.

– Я обычно смотрю людям в глаза и приглядываюсь к выражению их лиц, чтобы определить, как человек себя чувствует и что думает, – рассказывала она мне.

Когда новые знакомые узнавали, что ей 31 год и она работает в «Макдоналдсе», они принимались жалеть ее. Она не понимала почему. Робин гордилась своей работой. Она откладывала деньги на покупку дома.

Это была тяжелая работа. Поскольку весь день приходилось стоять, у меня ныли колени и ступни. Сидеть было не на чем. Чтобы как-то развлечь себя, я заглядывала в машины покупателей, пытаясь разобрать, что висит на зеркальце заднего вида (плюшевая игральная кость, освежитель воздуха, часы) и какие необычные предметы лежат на заднем сиденье (маленький пылесос, свернутый ковер, клюшки для гольфа). Присесть мы могли только во время 30-минутного перерыва. Было ощущение, что ноги вот-вот отвалятся. Мои ладони пропахли жиром. Форма липла к телу. Прежде чем пойти домой, я заполнила корзинки для фритюра замороженной картошкой. Выползла с работы, совершенно изнуренная.

На следующий день я работала за главным прилавком. Мы должны были приветствовать каждого посетителя словами: «Добро пожаловать в «Макдоналдс»! Можно принять ваш заказ?» Но у нас было столько народу, что я начала попросту выкрикивать: «Следующий!» В тот день меня тренировал парень по имени Карлос, ему было 17 лет. Я была на 20 лет старше его, но он ни разу не заставил меня почувствовать себя униженной. Ему было слишком хорошо известно, каково это. Он закатил глаза, когда один из менеджеров велел ему послать меня в обеденный зал протирать столы. «Я не стану вас посылать, я вас попрошу», – сказал он. Он отказывался быть старшей курицей в курятнике, где я была самым мелким цыпленком. Для него все мы были равными членами одной команды.

Карлос хотел когда-нибудь стать врачом и работать с детьми наркоманов в палате для новорожденных. Копил деньги на медицинскую школу. Он работал по 35 часов в неделю и годом раньше окончил обычную школу. Как он сказал, «Макдоналдс» учил его ответственности.

В промежутках от заказа до заказа мы укладывали фигурки гномиков в наборы «хэппи мил» с Белоснежкой и бесконечно протирали столы. Наш девиз «Облокотился – протри». Нельзя было выглядеть праздным. Я допустила такую промашку один раз – и в результате пошла мыть женский туалет. Каким образом твердые отходы человеческой жизнедеятельности могут оказаться на стене – на стене! – это выше моего понимания. Моей задачей было их оттереть. В тот день я ушла с работы, благоухая хлорной известью.

Вечером я присутствовала на обязательном собрании для персонала. Это было что-то вроде летучки, дополненной воздушными шариками, гофрированной бумагой и угощением – разумеется, из «Макдоналдса». Здесь была возможность указать на проблемы (например, что посетители недополучают приправы в автомобильном окне); выиграть призы за викторины «Макдоналдса» (сколько весит порция мороженого в «Макдоналдсе»? 5 унций); и получить ответы на единственные в своем роде вопросы (что, если посетитель хочет получить 18 упаковок крутонов на один салат?). Нам напоминали, что при отборе продуктов следует пользоваться щипцами и перчатками, а не пальцами. Обсуждали жалобную книгу; 95 % посетителей писали, что в туалетах грязно. (Должно быть, эти записи появились до того, как в туалете убрала я.)

На следующий день в «Макдоналдсе» был мясной день. И они поставили меня, вегетарианку, на гриль! Все утро я в упор смотрела на скворчащие сосиски

и бекон. Затем перешла к духовке, где запекались маффины, но все время забывала вынимать их оттуда, когда машина сигналила. По всей кухне срабатывало столько таймеров, колокольчиков и звонков, что я не могла понять, какой из них относится к какому аппарату. Все это напоминало научно-фантастический фильм, в котором каждые 10 секунд происходит какая-нибудь авария.

Сара, королева гриля, показала мне, как ускорить процесс. Она брала по четыре сосиски одновременно, придерживая их, чтобы не падали. От кончиков пальцев до локтя руки ее были покрыты шрамами от брызжущего жира. Она открывала закусочную в четыре утра и уходила из нее в час дня. Ей было 37 лет, она начала работать в «Макдоналдсе» еще подростком. Ее мечтой было открыть собственный ресторан. Она обожала работать за грилем.

– Это тяжело. Это работа без остановки. Либо ты под нее подладишься, либо она тебя сломает, – сказала она.

Во время ланча я собирала бургеры, бигмаки, стограммовые бургеры и тройные чизбургеры. Я-то думала, что тройной чизбургер – это три кусочка сыра на одном бургере. Кому в голову придет съедать три говяжьи котлеты?!

С половины двенадцатого до часу мы сбивались с ног. Люди делали специальные заказы на десятки бургеров одновременно. Нам было положено пользоваться щипцами, чтобы брать мясо, но это замедляет процесс. Я пыталась делать это в пластиковых перчатках, но они слипались. Поэтому я стала хватать все голыми руками и обжигала пальцы.

На следующий день меня поставили в переднее автомобильное окно, откуда люди забирали заказы. Единственное, что я должна была делать – выдавать заказы через окошко. Что может быть проще? Но никто не рассказывал мне о языковом барьере. На компьютерном экране передо мной появлялись буквы: SACHBI, SAMFEG, SAEGBI. Мне потребовалось около часа, чтобы расшифровать этот код: SA – сосиска; BI – бисквит; MF – маффин; EG – яйцо; CH – сыр. А что же такое VANCON? Ванильное мороженое в рожке. На завтрак?! Да, я оказалась не единственным на свете фриком, который любит есть мороженое до полудня.

Кэй, моя наставница в тот день, напоминала мне, что нужно заворачивать верх бумажного пакета складкой, а не комкать его и не опираться на окошко.

Она не вопила даже тогда, когда я уронила заказ в щель между окошком и машиной. Кэй 37 лет, у нее двое детей, и она проработала в «Макдоналдсе» 12 лет.

– Обожаю эту работу, – говорила она. – Она трудна, но с жизнью на пособие даже не сравнить.

Это благородная работа – кормить людей и поднимать настроение незнакомцам.

Текучка кадров здесь высока. Большинство работников уходят на учебу в колледж или находят другую работу. Некоторые не в состоянии справиться со стрессом. В свой последний день я поняла почему.

Один посетитель усадил своего маленького сынишку прямо на стол раздачи и заказал тройной чизбургер. Потом сказал, что я все неправильно поняла. Он хотел комплексный обед. Ладно, я собрала ему комплексный обед. А потом он сказал, что я и это поняла неправильно. Он хотел комплексный обед без сыра в бургерах. Потом пожаловался и на это. Менеджеру пришлось корректировать мою кассу пять раз. Я едва не нарушила номер седьмой из десяти заповедей «Макдоналдса»: «Наши посетители – не те люди, с которыми следует спорить или соревноваться в остроумии». Этому парню еще повезло, что я не преступила одну из изначальных десяти заповедей – «не убий».

Этот посетитель видел во мне неудачницу, потому что я работала в заведении фастфуда. Такую ошибку совершают многие люди. Они не правы.
Это благородная работа – кормить людей и поднимать настроение незнакомцам. Мартин Лютер Кинг-младший был прав, когда говорил, что любой труд, который возвышает человечество, обладает достоинством и важностью.

Все те, с кем я работала в этом «Макдоналдсе», возвышают человечество. Они также прекрасно умеют сохранять собственное достоинство. Для них это не работа второго сорта, а стартовая позиция для будущих достижений.
Вам могут это подтвердить такие бывшие работники «Макдоналдса», как Джей Лино, Стар Джонс, Шанья Твейн, Рейчел Макадамс и Джефф Безос, основатель интернет-компании Amazon.

Когда моя карьера в «Макдоналдсе» завершилась, владелец ресторана спросил меня, что я думаю об условиях этой работы. Я посоветовала ему избавиться от кепок, поставить табурет к окошку автомобильной раздачи, чтобы работники могли отдыхать, и существенно поднять всем зарплату.

Урок 10

Даже у ошибок есть право на существование

Любое творение начинается с комка никчемной глины.

Гончар оставляет часть себя в каждом творении.

Только гончар способен слышать глину. Он прислушивается, чтобы узнать предел ее прочности, ее ограничения, чтобы обойти их или принять – и превратить глину в шедевр красоты.

Природа – величайшая Божья весть красоты.

Я никогда не пробовала себя в гончарном ремесле, но наблюдала, как Том Гидеон сидит у гончарного круга, берет брусок огненно-оранжевой глины, обжимает ее снизу доверху, стараясь сделать гладкой и точно центрированной на круге. Это главное, пояснил он мне, – сохранить центрированность.

Люди, которые посещают Иезуитский приют в Кливленде, стремятся к этому гончарскому дару: сохранять центрированность и расслабляться, позволяя Гончару лепить их жизнь.

В свои 78 лет отец Гидеон, которого все называли Томом, по-прежнему видел себя куском глины в руках Гончара. Пожалуй, он мог бы привести цитату из книги Иеремии, 18:6: «Что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке». Но он не цитирует Библию, а позволяет глине говорить за него.

Посвященный в сан священника-иезуита в 1956 году, Том руководил молитвенным приютом 16 лет, затем путешествовал по стране в качестве исполнительного директора «Ретритс Интернешнл» в течение 20 лет.
Он положил начало профессиональной организации, которая ныне объединяет более 500 молитвенных приютов в Соединенных Штатах и Канаде.

Выйдя на пенсию, он шутил, что из религиозной жизни на пенсию не уходят, а поэтому называл себя «художником на покое». Он бродил по этому 57-акровому святилищу и пытался с помощью своего искусства помогать другим услышать «вселенский призыв к святости».

Когда в 1962 году отец Гидеон был там директором, он развешивал на стенах традиционные произведения религиозного искусства, изображения Марии, Иисуса и святых храмов.

– Это вещи, которые я навязывал людям, – поморщившись, говорил он.

Вернувшись сюда в 2000 году, он снял со стен все эти «святые» картины и развесил свои фотографии. Цветущая кувшинка, весельные лодки, стоящие в туманной бухточке, цветок, проклюнувшийся сквозь скучную серую изгородь, – доказательства того, что даже в самом темном мраке жизни присутствует красота.

– Вот это и есть по-настоящему святые картины, – убежденно говорил он. – Природа – величайшая Божья весть красоты.

Как прекрасны могут быть наши недостатки, когда мы смиряемся, подобно глине в руках Гончара!

Каждое из этих изображений содержало какую-то деталь, которая восхитила его, и он запечатлел ее своей камерой, чтобы восхищать других.
Он фотографировал всю жизнь, но к глине не прикасался ни разу, пока несколько лет назад одна монахиня не предложила ему попробовать себя в гончарном деле. Какой это восторг – превращать бесформенный кусок глины в вазу, сосуд, чайник! Он называл искусство «самым исходным переживанием Бога».

За гаражом, в помещении размером с чулан для инструментов, ему едва хватало места, чтобы усесться за гончарный круг. Его тонкие седые волосы отказывались прилично вести себя в этой влажной и жаркой каморке и торчали во все стороны, как у Эйнштейна, пока он заканчивал работу над очередным творением. На блюде оказалась крохотная вмятинка, которую мог разглядеть только он один.

– Оно не без недостатков, – сказал он, но без разочарования в голосе. Наоборот, это его завораживало. Говорят, что амиши[6 - Амиши – религиозное движение в протестантизме. Отличаются простотой жизни и одежды и отказываются использовать современные технологии.] оставляют какое-нибудь несовершенство в каждом сотканном ими килте – оно должно напоминать им, что совершенное творит один лишь Бог. Том не пытается быть совершенным. Он находит радость в несовершенствах.

По температуре глины Том чувствовал, что пора переворачивать сосуд. И на мгновение замешкался. Это было самое большое блюдо из сделанных им, и он не был уверен, что может доверить своим стареющим рукам целых восемь футов глины.

– Если хочешь увидеть, как плачет взрослый мужчина… – предупредил он – и перевернул блюдо. Оно не треснуло.

А даже если бы и треснуло, для гончара не существует такой вещи, как ошибка.

И для Гончара с большой буквы – тоже.

Однажды, когда Том формовал длинное горлышко вазы с помощью щепки, глина изогнулась, втянула в себя щепку и не пожелала выпустить. Что это? Неудача? Вовсе нет. Эту вазу неправильной формы хотели купить все.

Вращающаяся глина впитывает пот с ладоней, так что гончар оставляет часть себя в каждом своем творении. Может быть, именно поэтому Том так не любил с ними расставаться. Он делал фотографии каждого изготовленного сосуда, чтобы сохранить его в памяти. Он мог бы выручать за каждое свое творение больше тех 20 или 30 долларов, которые запрашивал, но хотел, чтобы искусство оставалось доступным для всех. Пока колесо медленно вращалось вместе

со следующим сосудом, он говорил, как он благодарен за то, что может доставлять удовольствие другим в свои «заключительные годы».

– Еще десять лет были бы для меня великим даром, – говорил он.

На всем, что мы создаем, остается два отпечатка – наш и Бога. Оба они хороши. Оба имеют право на существование.

Но ему оставалось лишь два. Он умер в 2005 году, в возрасте 80 лет. Когда я смотрю на полку в своей гостиной, на вазу, которую он мне подарил, я думаю о том, как прекрасны могут быть наши недостатки, когда мы смиряемся, подобно глине в руках Гончара.

Смиряться трудно. Я не перестаю стремиться к совершенству, как будто оно достижимо во всем, хотя на самом деле большая часть благословений, которые приходят ко мне и через меня, порождены несовершенством. Именно благодаря своим ошибкам, своим промахам, своим «почти» мы благословляем жизни других людей. Вся эта неаккуратность имеет право на существование. Как говорил Уильям Джеймс, есть «незримый порядок» в моем беспорядке.

Какое это облегчение! И все же – как трудно ощущать это облегчение, когда кто-то другой указывает на недостатки в моей работе. И не потому, что у меня их так много, а потому, что я так хочу быть совершенной. Мне все время нужно доказывать, что у меня нет недостатков, поскольку глубоко в душе именно полной недостатков я и чувствовала себя большую часть своего детства. Я вся была одной большой ошибкой. Во мне осталось зерно этого стыда, которое время от времени дает ростки, когда кто-нибудь критикует мою работу. Во мне все еще живет уверенность, что, когда я совершаю ошибку, я сама становлюсь ошибкой. Изъян не только в том, что я сделала, но я сама – один большой изъян.

Мне всегда нравилось, что у одной из моих дочерей в голубой радужке глаз есть три коричневые полоски. Она выделяла эти полоски на каждом рисунке, на котором изображала себя. Она никогда не считала их недостатком – только уникальным оттиском, который Бог оставил на ней одной. Если бы только все мы могли рассматривать свои недостатки так же – как нечто прекрасное и полезное!

Том-гончар напомнил мне, что на всем, что мы создаем, остается два отпечатка – наш и Бога. Оба они хороши. Оба имеют право на существование.

Урок 11

Если тебе так уж надо в чем-то сомневаться, усомнись в своих сомнениях

Один университетский профессор подарил мне коротенькую, простую молитву, которая помогает победить страх:

«Всевышний, я ищу Твоей защиты от трусости».

Эти слова Зеки Сарытопрак произносит, чтобы заглушить свои страхи. Он – профессор-исламовед в университете Джона Кэрролла в Кливленде, где я защитила диплом магистра в области религиоведения.

Большинство из нас не называют себя трусами, однако мы постоянно сомневаемся в себе, а надо бы – в своих страхах. Когда-то я думала, что быть храбрым означает не бояться. И громко рассмеялась, однажды услышав следующее определение: храбрость – это когда ты один знаешь, что боишься.

Все мы только изображаем храбрость. Некоторые из нас делают это лучше, чем другие. «Притворяйся, пока сам не поверишь» – эта пословица вела меня многие годы. Моя подруга Вики подарила мне еще лучший вариант: «Верь, пока не уверуешь». И эти слова будут вести меня до конца жизни.

Много лет назад в Уодсворте, штат Огайо, у входа в зал церковных собраний я познакомилась с одной матерью. Она рассказала мне о своей дочери, Диане, которая мечтала стать писательницей. Эта мать необыкновенно гордилась тем, что ее дочь уже знает, что хочет сделать со своей жизнью. Ее лицо так и светилось, когда она рассказывала, что Диана всегда вела дневники, работала над выпусками ежегодных альманахов в старшей школе и даже опубликовала статью в местной газете.

Храбрость – это когда ты один знаешь, что боишься.

Но она добавила, что все окружающие отговаривают ее дочь от занятий тем, что она так любит. Начиная свою карьеру, я слышала те же самые обескураживающие слова.

В журналистике нет рабочих мест, говорили мне люди.

Литературой денег не заработаешь, предостерегали они.

В мире нет места для твоего голоса, утверждали они.

Если бы я прислушивалась ко всем их сомнениям – и своим тоже, – я бы ни за что в жизни не проработала три десятилетия в профессиональной журналистике. Я помню, как беспокоилась, когда слышала, как люди говорят мне: Не становись писательницей, ты никогда не сможешь оплачивать аренду своей квартиры. Не становись писательницей, газеты – это отмирающая индустрия. Не становись писательницей, в мире уже слишком много писателей.

Трудно было к ним не прислушиваться. Что я тогда понимала? Я была разведенной матерью-одиночкой, на многие годы отставшей от своих сверстников. Они оканчивали колледж в двадцать один год; я окончила его в тридцать. У меня было больше желания, чем настоящего таланта, так что я просто прислушалась к этому желанию и позволила ему вести меня.

Это было нелегко, потому что мои сомнения часто заглушали мое желание.

Да кем ты себя возомнила?

Кто ты такая, чтобы так высоко заноситься в мечтах?

Кому есть дело до того, что ты хочешь сказать?

Поначалу эта дорога была каменистой. Моя первая зарплата едва покрывала аренду квартиры. И все это время меня продолжали пугать словами «газеты вымирают». Мне говорили это в 1980-х гг., когда по всей стране закрывались

газеты. Мне говорят это сейчас, когда цифровые новости вытесняют бумажные. Никто не знает точно, что ждет нас впереди.

Те люди, которые предостерегали меня, были старше, мудрее и заставляли меня бояться моего профессионального выбора. Они разбирались в экономике, законодательстве, в спросе и предложении, в сложностях рынка рабочих мест и глобальной экономике.

Ну и что?

Никто не знает, как громко поет твое сердце, как оно жаждет или изнывает, стремясь заниматься тем, что любит.

Я должна была заниматься тем, к чему лежала моя душа, и откуда им было знать, что у меня на душе! Никто по-настоящему не знает, к чему лежит у нас душа, кроме нас самих. Никто не знает, как громко поет твое сердце, как оно жаждет или изнывает, стремясь заниматься тем, что любит.

На свете полным-полно людей, подобных мне. Не все они хотят стать писателями. Некоторые мечтают быть художниками, архитекторами, плотниками, зубными врачами или предпринимателями. Кто-то сейчас отговаривает или уже отговорил их заниматься тем, к чему стремятся их сердца.

Я знала одного мужчину, который всем сердцем желал быть директором похоронного бюро, но застрял в семейном бизнесе и держал продуктовый магазин, пока, десятилетия спустя, не вырвался на свободу – и тогда только осуществил свою мечту. Я работала под началом директора похоронного бюро, который хотел быть джазовым музыкантом, но, к собственному отвращению, провел всю жизнь, руководя семейным похоронным бизнесом. Освободиться он так и не смог.

Мать Дианы рассказала мне, что когда-то хотела стать художницей, но в конце концов стала изучать химию – и возненавидела ее. Наконец, достигнув средних лет, она вернулась к учебе и начала работать чертежником. Она обожает свое занятие.

Критиков слушать нельзя. В мире их полным-полно. Полагаю, критики – это те самые люди, которые не смогли осуществить собственные мечты, и им больно всякий раз, когда кто-то другой следует своей мечте.

В мире есть место для твоего желания, каково бы оно ни было. Кому-то на свете нужен твой дар. В мире есть место для твоего голоса. Кому-то необходимо его услышать. Я, наконец, сказала сама себе: писательство – это как музыка. Не бывает слишком много песен. Тот, кто терпеть не может музыку в стиле кантри, любит рэп, и наоборот. Человек, которого берет за душу Шекспир, может ненавидеть Джона Гришема. Читателям, которым не нравится мой голос, может понравиться твой.

Люди будут говорить тебе, что в мире полным-полно писателей, но большинство из них таким образом защищаются от собственных идей, отделываются от замыслов своих ненаписанных романов, залпом запивая их очередной стопкой в баре, ибо они слишком боятся рискнуть и потерпеть неудачу. Они прячутся за свои сомнения, вместо того чтобы идти вслед за своей мечтой.

В мире есть место для твоего голоса. Кому-то необходимо его услышать.

Чтобы заниматься в жизни тем, чего хочешь, нужно заглушить критиков, начиная с самого главного критика – самого себя.

Урок 12

Иногда работа твоей мечты – это работа, которая у тебя уже есть

В тот день, когда меня наняли на работу в «Бикон Джорнел», я проплакала всю дорогу домой. Час слез. Целое ведро.

Почему? Я только что согласилась быть бизнес-репортером. Я ненавидела бизнес-новости. Что, если я совершила ужасную ошибку? После полугода написания репортажей о продажах и прибыли мне стало скучно, я лишилась

покоя. Местный журнал предложил мне работу – писать статьи. Один мудрый человек в нашей новостной редакции советовал мне остаться, чтобы создать себе рабочее резюме, заработать пенсию и жизненный опыт.

– Ты провела здесь всего несколько месяцев, – убеждал мой коллега. – Дай своей журналистской карьере шанс. Дай себе шанс здесь. Ты никогда об этом не пожалеешь.

Он был прав. Что же это за «скучные» задания, которые мне давали? Этакий винегрет из остатков, которые никому не были нужны: фермерство, страхование здоровья и аэростат. И вот как это было скучно:

Итак, поднимаюсь я в воздух на аэростате Goodyear…

Что?!

Ага!

Я предложила сопроводить заметку об аэростате Goodyear фотографиями. Мы поехали на машине из Экрона в Саут-Бенд, штат Индиана, где я должна была подняться в воздух на аэростате, с которого велась съемка футбольного матча на стадионе «Нотр-Дам». Я провела несколько дней, беря интервью у канатной команды – ребят, работавших на земле, которые оказались совершенно замечательными. Им не достается такой славы, как пилотам, зато именно они здороваются с горожанами и позволяют им почувствовать себя как дома, когда те выстраиваются поглазеть на аэростат.

Полет на аэростате – ни с чем не сравнимое ощущение. Оно совершенно не похоже на полет. Скорее, напоминает лодочные гонки. Поднимаешься в небеса и ныряешь там то вверх, то вниз. Здорово поднимает настроение, но шум ужасный. Телесъемочная группа открыла наружную дверцу, чтобы выдвинуть оттуда большую камеру для съемки игры. Было так шумно, что нам пришлось надеть наушники. Мы летели над университетом Нотр-Дам, махая руками статуе «Иисуса, объявляющего тачдаун»[7 - «Иисус, объявляющий тачдаун» – ироническое название статуи Иисуса в городе Монро, штат Цинциннати (США), данное ей местными жителями из-за поднятых рук, напоминающих жест футбольного арбитра.], Золотому Собору, наблюдая за игрой «Файтинг Айриш» против «Мичиган Стейт». На середине полета пилот

обернулся ко мне и сказал:

– Садись, порули.

Я? Я буду сидеть за рулями управления «Духа Экрона»?!

Ого…

Как я могла отказаться? Я все еще щипала себя, не в силах поверить даже в то, что действительно лечу на аэростате Goodyear. Это редкое баловство, обычно приберегаемое для корпоративных «шишек», которые являются лучшими клиентами этой компании – производителя шин.

Но управлять дирижаблем? ОГО!

Пилот объяснил мне, как просто это делается, и показал на два измерительных прибора. Альтиметр с цифрами и круговая шкала, поделенная надвое посередине. Верхняя часть была голубой.

– Это – для неба. Удерживай его в небе, – пояснил он. Он имел в виду, не давать стрелке альтиметра подниматься слишком высоко, иначе аэростат полетит вверх, его оболочка нагреется и расширится. Он велел мне также удерживать аэростат в голубом поле. Не давать ему направляться к югу – к земле.

Нет проблем. Неужто это так трудно?

Я справлялась отлично. А потом он оставил меня одну и отправился в туалет. Ага! На аэростате есть туалет. Ну, вроде того. В смысле, не туалет, а просто трубка. Жидкие отходы «рассеиваются» в атмосфере. По крайней мере, так мне сказал пилот. (Добрый совет: никогда не стойте прямо под аэростатами.)

Он пошел по гондоле в заднюю часть аэростата, и я одна осталась за пультом управления. В матче как раз был перерыв. Я наблюдала за выступлением музыкальной команды, когда вдруг, совершенно внезапно, стрелка альтиметра скакнула. Я направила аэростат вниз – совсем капельку. Стрелка поднялась выше, и я направила его еще чуточку вниз. Передняя часть гондолы аэростата целиком стеклянная, так что теперь я смотрела прямо на землю и отчаянно

упиралась ногами, чтобы не выпасть сквозь стекло. О Господи! Какой уж там голубой сектор!

Должно быть, с земли это смотрелось как сцена из фильма-катастрофы, когда аэростат вот-вот грянется о землю на 50-ярдовой линии. Пилоту пришлось хвататься за сиденья, когда он пробирался обратно ко мне и перехватывал управление. Он выровнял аэростат и буркнул:

– Знаешь, этой штукой достаточно сложно пользоваться, даже когда не стоишь на голове.

Он заодно пообещал мне, что я больше никогда в жизни не сяду за рули аэростата.

Вот это приключение – как раз на той самой работе, которую я, как мне казалось, терпеть не могла!

Эта работа предоставила мне множество возможностей, выходивших далеко за рамки бизнес-новостей, как только я решила поднять для себя планку. Я вызвалась лететь в Сальвадор, чтобы написать об окончании войны, увидеть ее глазами мальчика, который лишился ноги и получил протез у нас, в Огайо. Я летала в Северную Ирландию, чтобы писать о тамошних «беспорядках» с точки зрения детей, которые на лето приехали в Америку, чтобы избежать опасности.

Секрет любой работы не в том, чтобы уходить с нее, когда скучаешь, не находишь себе места или раздражаешься, но в том, чтобы остаться и сделать ее лучше. Иногда нужно просто сдержать свой порыв и назвать это место землей обетованной. Одна моя близкая подруга когда-то меняла рабочие места каждые шесть месяцев. И под конец ненавидела каждую свою работу. Ее «лекарство от скуки» было географическим. Единственная проблема – ей всякий раз приходилось брать с собой себя. Все мы знакомы с такими людьми. Их решение для любой сложной ситуации – двигаться дальше. Движение разрешает их супружеские конфликты, проблемы с алкоголем и трудоустройством, финансовые трудности, отсутствие энтузиазма, избыток скуки… Лучшее решение – менять себя, а не работу. Когда меняешься сам, работа меняется автоматически.

Переезд может быть подходящим решением для некоторых людей. Но есть один старый анекдот. Новосел в маленьком городке спрашивает старожила: «А какие люди живут в вашем городе?» Старожил отвечает вопросом: «А какие они были в том городе, где ты жил раньше?» Новосел отвечает: «Злобные и мерзкие». Старожил говорит: «Тогда таких же ты найдешь и здесь». На следующий день еще один новосел приходит в тот же бар и спрашивает, каковы люди в этом городке. Старожил и его спрашивает в ответ: «А какие они были в твоем прежнем городе?» Второй новосел отвечает: «Добросердечные и щедрые». Старожил отвечает: «Значит, и здесь ты найдешь таких же».

Когда меняешься сам, работа меняется автоматически.

Каков ты сам, такое к себе и притягиваешь. Или, как говаривал мистер Брэди, отец бесславной семейки Брэди, «Куда пойдешь, там и окажешься».

Простая идея оседлости еще в древности была превращена монахами в священный обет. У св. Бенедикта возникла мысль: ввести обязательство оставаться в одной и той же общине, чтобы удержать монахов от блужданий в поисках лучшего места для служения Богу – как будто такое место существует. Монах-траппист Томас Мертон испытывал больше трудностей с обетом оседлости, чем с обетом бедности. Он постоянно боролся со своим желанием уйти из монастыря в поисках настоящего одиночества и более глубокого переживания Бога. В конечном итоге он провел всю свою жизнь в одном и том же монастыре в Кентукки, где писал книги о святости самой обычной жизни, которая его окружала.

Необязательно быть монахом, чтобы осознать, что поиски счастья происходят в нашем внутреннем ландшафте, а не состоят в ежегодных переездах.
Я никогда не жила за пределами Огайо. Моя охота к перемене мест всегда находила отдушину в перемене декораций моего рабочего места. Я работаю журналисткой почти три десятилетия. Я переживала разные этапы, в том числе и приступы желания уехать, чтобы зарабатывать больше денег, добиться популярности, лучше выразить себя.

Может быть, дело в среднем возрасте, который кричит «Хватит!».
Или ежедневных напоминаниях, которые убеждают меня остаться, – как, например, та почтовая открытка с изображением красных туфелек, которую

подарил мне муж. Туфельки Дороти напоминают: «Нет места лучше дома» – и советуют искать реализации своего заветного желания не дальше собственного сада.

Я слышала, как ворчат репортеры (я была одной из них): мол, если бы мы были настоящими писателями, то жили бы в Нью-Йорке и писали романы или статьи для «Нью-Йорк Таймс». Но одна из фотографов, с которыми я работала, Робин Витек, показала мне, что для самореализации нам не нужно ничего, кроме текущего момента.

Ее подход к жизни и фотографии состоял в том, чтобы выбрать место, подождать и позволить жизни происходить. Делая репортаж о баскетбольном матче, она не охотилась за яркими моментами, бегая туда-сюда вдоль игрового поля. Она выбирала себе место и снимала жизнь, происходившую вокруг нее.

Не важно, где ты решаешь пустить корни или отрастить ветви – ты всегда стоишь на Земле Обетованной.

Стоит только выбрать место и закрепиться в жизни, работе или городе – и окружающий ландшафт никогда не перестанет тебя удивлять. Не важно, где ты решаешь пустить корни или отрастить ветви – ты всегда стоишь на Земле обетованной.

Урок 13

Чаще всего единственный, кто стоит у тебя на пути, – это ты сам

Когда-то к экрану моего компьютера была прикреплена записка: «Думай, как мужчина».

Такое впечатление, что мужчины умеют рассчитать, как быстрее нас подняться по карьерной лестнице, на ее вершине зарабатывают больше денег и никогда не жалуются на «стеклянный потолок» или «липкий пол», не дающие им

подняться. Я выбросила эту записку после того, как Всемирная христианская организация молодых женщин (YWCA) удостоила меня своей награды. Девизом этой премии была фраза «По карьерной лестнице можно взбираться на каблуках». Не знаю, как мои читательницы, но я даже ходить не могу на высоких каблуках, не то что взбираться на них по лестнице.

И женщины, и мужчины давали мне немало советов, как добиться успеха. Как же взбираться по этой лестнице? Для начала – не надо себе мешать. Некоторые из нас – в том числе и я – выдумывают всевозможные отговорки, только бы избежать необходимости преодолевать – сверху, снизу или в обход – те препятствия, которые швыряет нам под ноги жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/regina-brett-3/u-boga-vsegda-est-rabota-dlya-tebya-50-urokov-kotorye-pomogut-tebe-otkryt-svoy-unikalnyy-talant/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Ретри?т, также Ритри?т (англ. Retreat) – «уединение», «удаление от общества», обычно означает мероприятие, посвященное духовной практике.

2

Бурритос, буррито – мексиканское блюдо, состоящее из тонкой мягкой лепешки, в которую заворачивается начинка.

3

Бэттер (англ. batter) – в бейсболе игрок нападения с битой, бьющий.

4

Страйк-аут (англ. stryke-out) – в бейсболе ситуация, когда бэттер трижды не наносит удара при подаче и выбывает из игры.

5

Хоумран (англ. Home run) – в бейсболе игровая ситуация, за которую начисляется большое количество очков.

6

Амиши – религиозное движение в протестантизме. Отличаются простотой жизни и одежды и отказываются использовать современные технологии.

7

«Иисус, объявляющий тачдаун» – ироническое название статуи Иисуса в городе Монро, штат Цинциннати (США), данное ей местными жителями из-за поднятых рук, напоминающих жест футбольного арбитра.

Купить: https://tellnovel.com/regina-brett/u-boga-vsegda-est-rabota-dlya-tebya-50-urokov-kotorye-pomogut-tebe-otkryt-svoy-unikalnyy-talant-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити